
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Отдел типологии и сравнительного языкознания

Словесные формулы славянского
мира

метатеория и эмпирия

Москва, 2006

Российская академия наук

Институт славяноведения

Отдел типологии и сравнительного языкознания

СЛОВЕСНЫЕ ФОРМУЛЫ СЛАВЯНСКОГО
МИРА
метатеория и эмпирия

Москва, 2006

Ответственный редактор: Н. Н. Запольская

Члены редколлегии: Т. М. Николаева, И. А. Седакова

С48 Словесные формулы славянского мира: метатеория и эмпирия/
Ин-т славяноведения РАН – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. – 80 с.

ISBN 978-5-98604-080-6

Сборник включает статьи участников круглого стола «Словесные формулы славянского мира: метатеория и эмпирия», проведенного в Отделе типологии и сопоставительного изучения языков Института славяноведения РАН в ноябре 2006 г.

Для славистов, филологов, культурологов, лингвистов, историков, студентов гуманитарных специальностей и широкого круга читателей, интересующихся славянскими языками.

Исследования, предпечатная подготовка и издание выполнены при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Словесные формулы славянского мира: метатеория и эмпирия» №06-04-00264а.

Оригинал-макет подготовлен в Институте славяноведения РАН М.М.Макарьевым. Использованы компьютерные шрифты, разработанные Н.Н.Запольской.

ISBN 978-5-98604-080-6

© Институт славяноведения РАН, 2006

© Российская академия наук, 2006

Т.М.Николаева

Формулы и стереотипы коммуникативных стратегий

В работе [Николаева 1999], посвященной речевым моделям «обывателя», определялись три основных свойства такой речи: 1) укрупнение масштаба отдельного факта, например, увеличение в разговоре числа предполагаемых «градусов», безразлично, тепла или холода; увеличение возраста очень старого человека или, напротив, уменьшение возраста «вундеркинда», увеличение разрыва в годах между мужем и женой и под.; 2) стремление к неопределенности коммуникативных точек высказывания; 3) нелюбовь к передаче конкретной информации.

Прошедшие годы заставили пересмотреть некоторые изложенные позиции и значительно расширить перечень коммуникативных черт «обывателя».

Итак, прежде всего, нужно понять, – что такое **обыватель**, в нашей «интерпретации»? Это, по сути, огромный класс людей, практически владеющих литературным языком, не отмеченных ни просторечием, ни диалектными

особенностями. Однако речь представителей этого класса отличается некоторыми коммуникативными установками (сознательными или бессознательными – это как раз и требует исследования), которые мешают «простой естественной речи» и выявляются в коммуникации достаточно очевидно.

Этих установок довольно много и они могут на первичном уровне классифицироваться следующим образом:

1. Отношение к действительности, к передаваемой ситуации.
2. Отношение к своему поведению в коммуникации.
3. Отношение к своей речи в коммуникации (что не одно и то же).
4. Отношение к коммуникативному поведению собеседника.
5. Отношение к собеседнику или стоящей за ним группой людей.

Разумеется, во всех этих случаях речь идет о «речевых фигурах», а не о подлинном понимании / непонимании обсуждаемого фрагмента действительности. Например, в работе: *Т.М.Николаева*. Московские диалоги. «Зеркало перцепции» (в печ.) обсуждаются записанные автором за несколько лет (с 1999 по 2003) примеры «коммуникативных неудач», которые зависят от подлинного непонимания, невнимания, стандарта восприятия коммуниканта, но не обуславливаются сознательно вводимыми «фигурами речи». В упомянутой работе демонстрируется некоторая разница в коммуникации в советский и постсоветский периоды, обусловленная изменением статуса социальных ролей (например, роли продавца – покупателя, посетителя – сотрудника почты, сберкасс и проч.).

Пять пунктов, приведенных выше, имеют – каждый из них – достаточно сложную и упорядоченную иерархию.

1. Обратимся к пункту, названному «**Отношение к своей коммуникации**». Здесь выделяются следующие подпункты.

А. Самооценка и установка на свое неправильное речевое поведение (мнимое, конечно!): *Я, конечно, говорю об этом напрасно; Я, наверное, зря навязываю Вам свои советы; Об этом, мне кажется, мне говорить не стоит* и т.д.

- Минимизация важного и хорошо известного, перевод его в статус неопределенности. Например, *Моя жена едет в командировку, там у нее какая-то конференция; Вы в чем пойдете на банкет? – Да у меня есть какое-то платье* и т.д. Во всех этих случаях говорящий прекрасно знает, о чем идет речь, и ситуация может быть единственной (в прежней моей работе это называлось «тяга к неопределенности»).

К этому явлению примыкает и часто встречающееся неназывание имени собственного или термина, на самом деле хорошо известного. *Там, в этом сериале играл такой артист, блондин...* (замолкает); Вам нужно принять от кашля, ну, как это... сейчас модна такая настойка... Во всех подобных случаях «правила игры» предполагают, что другой коммуникант назовет неназванное. Многократно я не

реагировала подобным образом, а терпеливо молчала, выжидая. Тогда говорящий с раздражением называл то, что было пропущено как бы по пренебрежению.

В. Явление, называемое мною «растяжка коммуникации». Трудно сказать, сознательно ли оно или бессознательно. Первичное предположение: так говорят люди, которым по сути нечего сказать. Здесь также выделяется несколько подпунктов:

- Стремление заполнить пустое коммуникативное пространство шутками и прибаутками (как правило, это мужское поведение, особенно это характеризует военных, а также молодежь: студентов, школьников и т.д.).
- Сюда же относится привычка вставлять цитаты, идиостереотипы, популярные фраземы из телереклам, популярных телесериалов и проч. В отличие от предыдущей, эта манера требует не сплошного шутовства, а перемешивания «своего» и «чужого» (см. об этом: [Николаева, Седакова 1995]).
- «Растяжка коммуникации» – это и переспрос, имеющий место в тех случаях, когда контекст восстанавливает предмет речи однозначно.
Звонила Х. Она сказала, что заболела и у нее грипп. – У нее?; По телевизору сообщили, что на Смоленской будут строить эстакаду у метро. – Это у метро?

- Установка на спор – по любому поводу. Пример, доведенный до абсурда: *В Питере совсем другая погода – Нет, в Питере погода совсем другая* (известно такое тог, что русский всегда начинает со слова *Нет*). При этом спор может носить форму уточнения: *В Институте русского языка присутственный день во вторник – А разве не в среду, мне так казалось; Ему исполнилось сорок лет. – А не тридцать девять? (сорок один?); Это опубликовано в пятом номере. – А не в четвертом?* Во всех таких случаях коммуникант показывает внимание к предмету речи, но не сообщает ничего своего.
- Выделение и обсуждение в речи темы, а не ремы. То есть, установка на топик. *Вот Федя Успенский сообщил необычайную вещь... – Это он как – к Успенским? Это сын Бориса Андреевича? А брат – математик?; Я считаю, что вообще идея фонемы – фикция. – Вот тут говорили про фонему, а это не простая вещь... (из доклада)*
- Элемент поддакивания. *Мне звонила моя Таня – Это дочь Ваша; Выступала Татьяна Миткова. – Это телеведущая* (вот это, как правило, женская манера).

С. Отношение к другому коммуниканту.

- Априорная установка на его как бы неправильное речевое поведение (понимание). *Вот Вы не хотите меня понять, а я ведь...; Вы, конечно, не хотите меня слушать... и т.д.*

- Установка на то, что коммуникант будто бы раздражен беспокойством по поводу обращения к нему: *Извините, что я к Вам обращаюсь...; Извините, что я Вам звоню...* и т.д.
- Установка на уважение к старости и состоянию здоровья коммуниканта. *Извините, Вы наверное отдыхаете...; Вы, конечно, меня не помните, а я у вас доклад делала...*

D. Особое место здесь занимает то, что я условно называю «**виртуальной референтной группой**».

Это тема очень серьезная и требует дальнейшей разработки. Дело в том, что у многих есть «референтная группа», на которую они ориентируются. Это общеизвестный факт. Однако, иногда говорящий обращается к реальному коммуниканту, но создается ощущение, что на самом деле он (она) говорит «на кого-то другого». Это может быть подруга, которой будет все пересказано в дальнейшем. Это могут быть сослуживцы. Наконец, это может быть даже покойный муж (жена) или покойные родители. Примеры подобрать трудно, но явление это реально. (Б.А.Успенский в свое время высказал в связи с этим интересное наблюдение: в передаче былого диалога часто говорящий свою речь передает как спокойную и выдержанную, а коммуниканта – как возбужденную.)

Е. Все сказанное выше относилось к фигурам коммуникации. Однако, к речевым стереотипам описываемого типа относится и **тип передачи действительности и отношения к ней**. Здесь также выделяется несколько подтипов:

- Прежде всего, это манера, говоря с хорошо знакомым человеком, пользоваться номинациями неопределенности. *Мне нужно зайти в Институт, там у меня дела; Нужно домой – там ждет меня один знакомый с женой; Я не иду, еще кое-какие дела и под.* Впрочем, это выражение «дела» уже было предметом высмеивания; это установка на несообщение информации, пусть даже абсолютно несекретной, которую загадочность, что свойственно мещанской речи. (Разумеется, речь здесь не идет о крайностях – подлинных секретах и о псевдонеобходимости выкладывать о себе все.)
- Это априорная установка на свое (коммуниканта) неправильное поведение (неречевое). *Извините, что я звоню Вам на дачу...; Извините, что звоню Вам домой...; Мы, наверное, Вас разбудили?; Я, наверное, звоню слишком поздно...*
- В эту же группу можно отнести особое отношение к сообщаемой информации.

Простую конкретную информацию (не сообщающую об «ужасах», страшных реформах и т.п.) обычно в русской коммуникации не любят, но реакции здесь могут быть разными. А именно:

1) сообщаемому приписывается некоторое излишнее волнение по данному поводу: *А что Вы так волнуетесь? Нам-то что!; И не стоит на это реагировать.*

2) источнику информации (но не коммуниканту!) приписывается заведомая ложь, хотя бы он не характеризовался этим свойством ранее. *Да все врет небось!, Как же, верьте им и т.д.*

Но на самом деле за обеими этими реакциями стоит стойкое желание оттолкнуть информацию, если ее нельзя воспринять в эмоциональной струе. В советское время «работники обслуживания»: советские продавцы, библиографы, работники аптеки и т.д. ощущали себя хранителями «общефоновой» информации, а незнающий ее представлял неким аутсайдером, социальным отщепенцем.

Несколько примеров диалогов из той поры:

(1)

В Библиотеке им. В.И.Ленина.

Посетитель:

— *А где я могу взять требования?*

Сотрудник:

— *А там нет?*

— *Где там?*

— *А где всегда лежали?*

— *А я что-то не вижу.*

— *А на обычном месте, около шкафа, посмотрите.*

Или:

(2)

— *Скажите, у вас валокордин жидкий или в таблетках?*

— *Можете платить 30 копеек!*

— *А это жидкий или в таблетках?*

— *Я же сказала: платите 30 копеек.*

(3)

- Скажите, спички по две копейки?
- И когда это было? и под.

Резко изменившаяся жизнь России потребовала иного отношения к посетителю (клиенту, покупателю, туристу и т.д.), когда важно понять, чего он хочет, и ответить ему желанной информацией. Однако это оказалось слишком трудным.

Многолетние записи показывают, что информация воспринимается прежде всего «по ключевым словам», например:

(4)

21.10.2002. Почта.

X (начальнице):

- Я хочу с Вами поговорить о том, что не все аккуратно доставляется.
- А именно?
- Вот я, научный работник, участвую в международном проекте. Нам присылают извещения, что на наше имя пришел чек во Внешторгбанк. Так мои коллеги получили, а я нет, А ведь это немалая за полгода сумма долларов.
- Вы что думаете, доллары прямо в письмах посылают?
- Да нет, это письмо, а в нем извещение только. И вообще я иногда узнаю из электронной своей почты, что мне что-то послали по почтовому адресу, а этого и нет.
- Ну, электронная почта – это нас не касается.

Ключевые слова: письма, доллары, электронная почта.

(5)

(В магазине)

- Скажите, сами пельменины в упаковке «Богатырские» большие?
- Упаковки есть по килограмму, есть и по полкило.

Пельменины и упаковки пельменей не одно и то же. Ключевое слово искажено.

(6)

Х в магазине.

- Скажите, а вон там у вас какие-то дорогие пельмени. «Деликатесные» называются. Они с чем?
- А пельмени всегда с мясом.

Продавщица не обратила внимания на определение «Деликатесные».

Ключевое слово может попасть в «горизонт осязания» продавца:

(7)

- У вас есть какой-нибудь оттеночный шампунь для седых волос? Голубоватый или серебристый?

– Вот, возьмите краску «Палетте». Она хорошо седину прокрашивает.

Ключевые слова: седые волосы, что-то красящее.

(8)

- У вас есть что-нибудь для седых волос? Шампунь оттеночный?
- А почему только для седых? Он и на любые ложится.

Ключевое слово здесь другое: **оттеночный шампунь**

Все сказанное выше требует глубокой доработки, осуществляемой в двух направлениях. Первое из них – сбор материала, желательно, реального, а не «лабораторного» (придуманного исследователем). Второе направление – чтение социологической и психологической литературы, посвященной психологии и социологии «масс» – книги Ле Бона, Гарда, Московичи и др.

Избранная литература

Николаева, Седакова 1995 – *Николаева Т.М., Седакова Т.М.* Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи // *Revue des etudes slaves*. LXV 1, 3, 1995.

Николаева 1999 – *Николаева Т.М.* Речевая модель "обывателя" и идеи Н.С.Трубецкого – Р.О.Якобсона об оппозициях и "валоризации". // *Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию В.В.Иванова*. М.: ОГИ, 1999.

**Стереотипные формулы проклятий и недобрых пожеланий
с глагольными формами косвенных наклонений
в современных славянских языках**

Грамматические формы повелительного и сослагательного наклонений входят в состав устойчивых формул проклятий и недобрых пожеланий. Это особенно характерно для повелительного наклонения, например: русск. *Иди к черту!*; *Будь проклят!*; *Черт его подери!*; польск. *Idź do cholery!* «Иди к черту!»; чешск. *Jdi k čertu!* «Иди к черту!»; болг. *Върви по дяволите!* «Иди к чертям!»; *Проклет да е!* «Будь проклят!»; *Дявол да го вземе!* «Черт его возьми!»; *Краста нека я яде!* «Пусть чесотка ее заест!».

Подобные связанные синтаксические конструкции получили в лингвистической литературе названия клишированных языковых выражений либо синтаксических клише, либо синтаксических фразеологизмов, либо фразеосхем. Последний термин представляется предпочтительным ввиду его краткости. К фразеосхемам относятся, в частности, конструкции, организованные определенной грамматической формой слова, например, формой наклонения – повелительного или сослагательного. Выше были приведены некоторые образцы фразеосхем с императивом, выражающие проклятия и недобрые пожелания.

Поскольку в болгарском языке повелительная форма глагола может быть и синтетической и аналитической (с частицами *да* и *нека* + наст. вр. изъяв. накл.), болгарские формулы проклятий и недобрых пожеланий с использованием повелительного наклонения структурно более разнообразны, чем русские, польские и чешские.

В русском, польском и чешском языках устойчивые словосочетания с частицами также могут выражать негативные пожелания говорящего, но они не относятся к грамматическим формам повелительного наклонения, являясь побудительными конструкциями с глаголом в изъявительном наклонении: русск. *Пусть идет к черту!*; польск. *Niech ich cholera weźmie!* «Черт их возьми!»; чешск. *Ať jde k čertu!* «Пусть идет к черту!» [см. Этюды 1995: 64 – 94].

Фразеосхемы, передающие проклятия, и с аналитическими, и с синтетическими формами повелительного наклонения, а также описательные конструкции с побудительными частицами делятся на два семантико-синтаксических типа:

I тип. Адресат (деятель) обозначен только формой глагола: 2-м л. ед. или мн.ч. (русск. *Иди к черту!*; *Убирайся к черту!*; *Ступай к черту!*; польск. *Idź do cholery!*; чешск. *Jdi k čertu!*; болг. *Върви по дяволите!*) или 3-м л. ед. или мн.ч. (русск. *Пусть идут к черту!*; чешск. *Ať jde k čertu* и проч.).

II тип. Адресат (деятель) обозначен существительным или личным местоимением:

русск. *Черт его подери/поberi/возьми!*, *Прах его возьми!*, *Разрази вас гром!*, *Отсохни язык, если я вру!*, *Пропади она пропадом /совсем!*, *Да провались он к дьяволу!*, *Будь они прокляты!*; польск. *Niech ich cholera weźmie!* «Черт их возьми!»; болг. *Дявол да го вземе!*, *Ръката му да се изсуши!* «Пусть отсохнет у него рука!», *Краса нека я яде!* «Пусть чесотка ее заест!», *Проклета да е душата му!* «Пусть будет проклята его душа!».

Известно, что в русском языке вместо слова *черт* может употребляться слово *шут* (*Шут его подери!*), а вместо глагола *иди* – побудительное междометие *ну* + личное местоимение 2 л. в род. пад. (*Ну тебя к черту!*).

В императивных предложениях, содержащих пассивную форму глагола, типа русск. *Будь проклят!*, болг. *Проклет да е!* и проч., нет призыва к выполнению действия, обозначенного глаголом, так как речь идет о, так сказать, "пассивном" действии (быть проклятым), которое не может быть выполнено никаким субъектом. Здесь выражается лишь пожелание говорящего, которое может быть адресовано к любому грамматическому лицу: *Будь ты/я/он проклят!*; *Будь вы/мы/они прокляты!*. Внутренняя связь, существующая в императиве между глаголом и вторым лицом (собеседником), оказывается утраченной. Но и в активных императивных предложениях с глаголом, называющим действие, которое собеседник не может произвольно выполнить, где выражается отвлеченное побуждение, не обращенное к реальному исполнителю, адресатом также может являться любое грамматическое лицо: *Провались ты/я/он/мы/вы/они на месте!*, *Да провались ты/я/он/вы/мы/они к дьяволу!*, *Пропади ты/я/он/вы/мы/они пропадом!*. А.В.Исаченко считает, что в этих двух случаях заклинаний происходит транспозиция императива, так как собеседник устраняется, в результате чего императивная модальность превращается в модальность оптативную [Исаченко 1960: 496].

Формы сослагательного наклонения, являющиеся во всех славянских языках аналитическими, также входят в состав стереотипных формул проклятий и недобрых пожеланий:

русск. *Отсох бы твой язык!*, *Провались бы они к дьяволу!*, *Чтоб/бы тебя черти побрали!*, *Чтоб ты сдох!*, *Чтоб тебе было пусто!*; чешск. *Aby/bodejt' by/bodejž by tě husa kopla!* «Чтоб тебе было пусто!», *Aby/bodejt' by/bodejž by vás čerti vzali!* «Чтоб вас черти побрали!», *Hrom aby toho praštil!* «Чтобы его ударило громом!», *Bodejt' by mu oči vytekly!* «Чтоб у него глаза вытекли!»; польск. *Żeby go diabli wzięli!* «Чтоб его черти побрали!», *Bodajby go Pan Bóg skara!* «Чтоб его Господь Бог покарал!», *Bodajbyś świata Bożego*

nie widzia!! «Чтоб тебе не видеть Божьего света!», *Bodajbyś kark skrećil!* «Чтоб ты свернул себе шею!»; болг. *Да би куришум те удрил!* «Чтоб в тебя попала пуля!».

В русском языке побуждение может выражаться глагольной формой прошедшего времени; эта форма встречается в фразеосхемах проклятий: *Пошел к черту!*

В болгарском языке возможно использование особой формы перфекта без вспомогательного глагола: *Дявол те взел!* «Черт тебя возьми!», *Свири, свири, Бог убил те* «Играй, играй, пусть Бог тебя поразит!». Это тоже устойчивая формула проклятий. Одновременно возможна формально такая же устойчивая конструкция для выражения добрых пожеланий: *Добре заварил!* «Счастья тем, кого я здесь застал!».

Представляется, что формулы (фразеосхемы) проклятий и недобрых пожеланий во всех славянских языках построены в основном однотипно. Дальнейшее изучение материала должно подтвердить и детализировать или опровергнуть этот предварительный вывод. Отдельно встает вопрос о том, какое лексическое наполнение характерно для описываемых синтаксических фразеологизмов. Пока этот вопрос здесь не поднимается.

Избранная литература

Исаченко 1960 –Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1960.

Этюды 1995 –Иванов, Вяч. Вс., Молошина Т.Н., Головачева А.В., Свешникова Т.Н. Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995.

Словесные формулы в ассоциациях

Ассоциативные реакции отличаются от обычной речевой продукции прежде всего тем, что они, как правило, спонтанны и неосознанны. Человек называет первое пришедшее ему в голову слово, не задумываясь о его семантике и контексте. То, что человек произносит как реакцию на слово-стимул, – один из множества вариантов связей слова, моментально «высвечивающихся» на табло сознания. Естественно, чаще всего это наиболее доступный, лежащий на поверхности или наиболее используемый элемент. Поэтому ассоциативные реакции в большинстве своем предсказуемы и стереотипны. Можно сказать, что по сути своей, все вербальные ассоциации представляют собой одни и те же словесные формулы, многократно воспроизводимые разными испытуемыми во время тестирования. Однако статус этих воспроизводимых формул различен. Попробуем представить некую классификацию этих формул по разным параметрам на материале ассоциативного эксперимента с носителями разных языков (русского, литовского и польского) и билингов.

1. Прежде всего следует выделить клишированные пары, наиболее часто появляющиеся в ответах и отражающие стереотипные представления о мире (*белый – черный; вода – земля; гора – холм; девочка – ребенок; орел – птица; лес – густой; небо – голубое* и т.д.). Это наиболее часто встречающиеся реакции парадигматического и синтагматического типа. Первые – самые частотные и ожидаемые ответы – контрастивные и координированные реакции (называемые иногда просто «и/или»), очевидно, являются наиболее спонтанными, автоматизированными реакциями левого полушария, это реакции

отрицания и сравнения, основанные на категоризации и систематизации. Такого рода ответы трудно иногда отнести к определенной категории, как правило, они все являются в какой-то мере антонимами: «В значениях этих пар слов можно обнаружить некоторый элемент противопоставления, причем основанием противопоставления может быть как логически вычлененный признак, так и невербализуемый чувственный образ или ситуация» [Медведева 1991, 185].

О значимости противопоставлений как основополагающей стратегии ассоциирования говорит тот факт, что даже при речевых нарушениях (в частности, акустико-мнестической афазии), когда затруднен подбор нужного слова (оно забывается), больные сохраняют стремление давать противоположные по смыслу ответы: например, *глубокий – узкий; красивый – плохой*, не будучи в состоянии воспроизвести полный антоним. Некоторые испытуемые в «сложных» случаях даже изобретают слово, которое было бы противоположно по значению стимулу (например, *воздух – безвоздушность*). Тенденция давать подобные ответы исчезает только в случае полного нарушения парадигматической системы связей (при поражениях так называемого «заднего мозга»).

Синтагматические ответы, реализующие минимальные контекстные пары (например: *небо – голубое; лес – дремучий; глубокий – колодец*), также в большой мере спонтанны, хотя встречаются несколько реже, чем парадигматические. Такие пары представляют собой наиболее типичные репрезентанты класса объектов, наделенных неким признаком (например, глубиной), или наиболее типичные признаки соответствующего объекта.

Все эти клишированные пары, как правило, являются общими для носителей разных языков. Хотя и тут возможны различия категоризации, зависящие от языка. Например, в литовском языке *вода* чаще всего зеленая (в

русском – *синяя*), а самым репрезентативным объектом глубины является *озеро* (в русском – *колодец*), *хлеб* в литовском языке прежде всего *черный* (для русских разделение черный/белый не так актуально), для русских *лес* прежде всего *темный* и *густой*, для литовцев – *зеленый*.

2. Помимо вышеописанных стереотипных формул-клише в ассоциативных реакциях немало штампов и клише, основанных на прецедентных текстах. По типу связи со словом-стимулом они также могут быть парадигматическими или синтагматическими:

- парадигматические: *орел – решилка; судьба – злодейка*;
- парадигматические со скрытой предикацией: *гора – Магомет; голод – не тетка; время – деньги; слово – не воробей*;
- синтагматические: *слово – чести; душа – поет; хлеб – насущный; слава – Богу; время – перемен*.

По форме они могут быть либо краткими (как уже приведенные), либо распространенными (например, слово включается в более широкий контекст, когда стимул вызывает в сознании цитату из какого-либо текста: *голова – ногам покоя не дает; земля – я земля, я своих провожаю потомков*).

Также может различаться степень связи реакции со словом-стимулом. Это может быть тесная связь, когда стимул и реакция представляют собой законченное устойчивое выражение (например: *имя существительное; честное слово*), а может входить в необязательный и трудно предсказуемый контекст (например: *последний – у попа жена; жизнь – такова, какова она есть*). В последнем случае испытуемый, опираясь только на семантику слова, может менять его форму, например: *обида – гнать, держать...; желать – концерт по желаниям; верить – вера в людей – главное оружие*).

Наконец, различаются такие формулы по характеру породившего их прецедентного текста. Чаще всего это устойчивые выражения, фразеологизмы и пословицы, например: *последний – шанс; душа – поет; хлеб – насыщенный; ждать – у моря погоды; старый – козел; голова – что на плечах; жизнь – собачья; время – перемен; сильный – духом; праздник – души*. На втором месте по частотности воспроизведения – поговорки, например: *гора – Магомет; голод – не тетка; время – деньги; слово – воробей; время – делу, потехе – час; душа – потемки*. Реже воспроизводятся ассоциации, связанные с литературными произведениями, песнями, кинофильмами, например: *вечер – подмосковные вечера; земля – в иллюминаторе; обида – обиды не страшась, не требуя венца; женищина – с глазами дикой серны; грусть – тоска меня съедает; голова – голова моя машет ушами словно крыльями мельница; король – голый; война – и мир; ночь – перед Рождеством; голова – не болит голова у дятла; последний – могикан; судьба – человека; окно – в Париж; женищина – в белом*. Не менее частотны лозунги, оставшиеся, видимо, в наследие с советских времен: *слава – КПСС, октябрю, партии, труду; мать – Родина-мать; страх – совесть; верить – в светлое будущее*. Наименее часто встречаются ассоциации, основанные на прецедентных феноменах (как правило, это некие реалии): *время – программа; жизнь – Варшавы; голод – в Поволжье; слава – Зайцев*.

Попытка классификации этих реакций представлена в следующей таблице:

тип семантической связи со стимулом	устойчивые выражения, клишированные фразы, фразеологизмы	основанные на прецедентных текстах			основанные на прецедентных феноменах (реалиях)
		фольклорные тексты (пословицы, поговорки)	художественные тексты (литературные произведения, кинофильмы, песни)	социальные тексты (лозунги)	
парадигматическая	<i>орел – решка; судьба – злодейка, индейка; голова – два уха</i>	<i>огонь – вода и медные трубы</i>	<i>война – и мир</i>	<i>мать – Родина-мать, страх – совесть</i>	<i>слово – дело, время – программа</i>
парадигматическая со скрытой предикацией		<i>гора – Магомет, время – деньги, слово – воробей, душа – потемки</i>		<i>земля – кормилица</i>	
синтагматическая	<i>слово – чести, последний – болван, последний – шанс, душа – поэт, хлеб – насыщенный, жизнь – собачья, время – перемен, земля – обетованная, душа – параша, просить – взаимы, сильный – духом, работать – как волк</i>	<i>время – время – делу, потехе – час; последний – у попа жена</i>	<i>земля – в иллюминаторе, женщина – с глазами дикой серны, король – голый, ночь – перед Рождеством, голова – не болит голова у дятла, судьба – человека, окно – в Париж, женщина – в белом</i>	<i>слава – труду, КПСС, октябрю, партии, Отчизне, отечеству; верить – в светлое будущее</i>	<i>орля – белый, король – польский, война – мировая, голод – в Поволжье, слава – Зайцев, жизнь – Варшавы, зеленый – Мост</i>
← более предсказуемые реакции		менее предсказуемые реакции →			

Если стереотипные реакции первого типа в основном в разных языках схожи (различаются, как уже было сказано, незначительно), то формулы-клише второго типа, конечно, в основном будут различаться, так как, как

правило, основаны на прецедентных текстах, характерных для того или другого языка. Однако в ассоциациях русских, литовцев и поляков многие подобные клише все же совпадали, например, общими для трех групп оказались следующие реакции:

- клише, одинаковые в разных языках: *последний – звонок, капля, раз*
- общие прецедентные тексты: *король – голый; хлеб – насыщенный; окно – в Париж; война – и мир*
- общие лозунги: *слава – партии; земля – кормилица.*

3. В реакциях разных групп испытуемых также существуют различия в частоте воспроизведения стереотипных формул. В целом ответы русских более стереотипны, чем литовцев и поляков. Реакции, основанные на прецедентных текстах, также чаще встречаются в ответах русских. В ответах билингвов по-русски их также больше, чем в ответах по-литовски. Интересно, что литовцы чаще воспроизводят прецедентные тексты на втором языке (т.е. на русском), чем на своем. Все это говорит о том, что русский язык более ориентирован на воспроизводство и повторение таких текстов, если можно так сказать, более насыщен прецедентными текстами. Характерно и то, что билингвы, овладевая русским языком как вторым, с легкостью усваивают подобные штампы и воспроизводят их спонтанно. Это говорит о том, что немалую долю языковой компетенции составляет набор прецедентных текстов изучаемого языка.

Показательно также то, что наиболее часто такого типа реакции встречаются у женщин и мужчин-левшей (схожих меньшей асимметрией полушарий). Интересны и данные афазии: в условиях грубой сенсорной афазии, когда сильно затруднено восприятие родного, не говоря уж о втором языке, больной-литовец, живший долгое время в России (в Сибири) внезапно вспоминал именно такого рода тексты, например: *слава –*

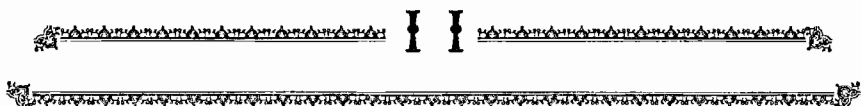
героям; черный – очи черные; старый – старость – не радость; ночь – темная ночь. Однако таким же образом реагировала другая больная-русская, живущая в Литве, на своем родном языке (например: *вечер – еще не вечер; человек – с большой буквы; праздник – каждый день*). Эти два случая сближает то, что и один, и второй больной долго не использовали русский язык, а момент активного общения пришелся на довольно ранний период жизни (больная русская в последнее время говорила только по-литовски). Возможно, поэтому самые автоматизированные связи, сохранившиеся в правом полушарии, всплыли в виде компенсации в тот момент, когда языковая способность в силу поражения левого полушария оказалась нарушенной.

4. Таким образом, можно выделить две категории формульных ассоциативных реакций: это «формулы левого полушария» (первого типа – основанные на категоризации, классификации и стереотипных представлениях), и «формулы правого полушария» – клише и штампы, основанные на часто воспроизводимых прецедентных текстах. Следует еще раз подчеркнуть, что и то, и другое – спонтанная речевая продукция, во многом не осознанная, поэтому семантическая наполненность и вообще актуальность семантики в ассоциативных реакциях остается открытым вопросом. Также не всегда можно четко отделить синтагматические формулы первого типа (*лес – густой*) от формул-клише второго типа (*старый – козел*). По-видимому, многие реакции подобного типа одновременно основаны на стереотипных представлениях о мире и на множестве воспроизводящих их прецедентных текстов.

Также, вероятно, не стоит делать выводы о «полушарной» направленности тех или иных носителей языка исходя из той или иной тенденции ассоциирования. В ответах русских (по сравнению с поляками и литовцами)

в целом больше стереотипных формул обоих типов. Это может говорить о тенденциях к стереотипизации языка и мышления говорящих на нем, но не о тенденциях в задействованности полушарий. Однако стратегии ассоциирования могут говорить о полушарных тенденциях когда это касается конкретного человека: это было проиллюстрировано выше на примере реакций, типичных для женщин и мужчин-левшей. Наиболее наглядно эти тенденции демонстрируют больные с нарушениями речи.

Т.В. Цивьян

**Стереотип дома
в свадебной терминологии Северного Прикамья
(по материалам этнолингвистического словаря)**

Эта заметка продолжает работы автора по семиотике дома [Цивьян 1974, Цивьян 2000, Сивяп 1987], суть которых заключается в следующем: рассмотрение разных видов/ипостасей *дома*, «сюжета *дома*» в разных семиотических ситуациях, т.е. в разных мифологических текстах (в широком смысле слова – от текста ритуала, до конкретных фольклорных текстов) и в разных традициях. *Дом* – это и реальный *дом*, и *дом-микрокосмос* архетипической модели мира: следовало уяснить, в какой степени смена видов *дома*, вариации его «сюжета» определяются универсальным мифоритуальным сценарием и в какой – конкретной традицией.

В начале работы над темой *дом* (первый опыт был связан с Балканами) нас интересовало то, насколько по описанию дома в фольклорном тексте можно реконструировать, так сказать, «национальную архитектуру»

ру», т.е. насколько, например, албанская загадка описывает *албанский дом*, болгарская – *болгарский дом*, греческая – *греческий дом* и т. п. Результаты анализа (в основном на материале загадок, отражающих алфавит модели мира), что если это и возможно, то весьма и весьма относительно. Для конкретной традиции гораздо более существенной оказалась ориентация на стереотип: носителю традиции (alias носителю архетипического сознания) было гораздо важнее «выстроить *семиотический дом*», и назвать те сравнительно немногочисленные универсальные элементы («каркас *дома*»), которые определяют главную функцию *дома*: защищать, отгораживать человека от *внешнего* мира, макрокосмоса, и одновременно имитировать, дублировать макрокосмос, создавая его уменьшенную копию – микрокосмос. Здесь нет нужды повторять общеизвестное: что универсальная семиотическая оппозиция *верх/низ* в макрокосмосе реализуется через оппозицию *небо/земля*, а в микрокосмосе, соответственно, через оппозицию *потолок/пол*, одновременно имитирующую и *небо/землю*, что в структуре *дома* подчеркиваются защищающие от *внешнего* мира границы (*крыша, стены*) и гарантируется обязательная связь с внешним миром (*вход/выход, обеспечиваемые дверью и окном*) и т.п. В данном случае нас интересует, каким образом обыгрывается семиотика *дома* в одной из отмеченных точек мифоритуального сценария жизни человека – свадьбе.

Материалом случит недавно вышедшая книга «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» (ЭС 2004, далее при цитировании указываются только страницы). Это – ценная, надежная книга, сочетающая четко аранжированный материал с современной этнологической интерпретацией. Ее достоинства дают смелость автору данной заметки сделать некоторые выводы о семиотике *дома* в прикамском (и шире – вообще) свадебном ритуале исключительно на ее основе.

Внутри словаря свадебного ритуала мы выделили словарь *дома*, описывающий его структуру и з в н е и з н у т р и и включающий элементы окружения *дома* и элементы его интерьера. Приводим основной список (без учета частотности):

1) виды строений: *дом/изба, баня, хлев, колодец, ограда*;

2) элементы дома: *окна, ворота, крыльцо, дверь, порог; матица/потолочный брус, потолок, пол*/половицы*;

3) элементы планировки дома: *угол, передний угол, шесток, чулан/куть/голбец, кухня, сени, подклет, подполье, вышка*;

4) элементы интерьера, мебель: *печь, иконы, стол, полати, лавка, грядка, постель* (также в значении приданого невесты).

Как мы видим, отличия от архетипа (семиотического стереотипа) *дома*, т.е. особенности конкретной традиции, выявляются в наибольшей степени в планировке и элементах интерьера, а точнее в их названиях, т.е. на уровне языка (отдельный вопрос, являются ли эти особенности местными, а не общерусскими): *куть, голбец, шесток, полати, грядка, подклет*.

Вернемся к стереотипу и рассмотрим словарь *дома* в рамках универсальной семиотической оппозиции *внутренний/внешний*. В данном свадебном ритуале роль *дома* разыгрывается с явным преимуществом его *внутреннего* пространства. *Внешняя* структура *дома* почти не разработана: *стены, крыша* – основные элементы *дома* – не упоминаются вообще. Зато подчеркнуты элементы связи с внешним миром – *двери* и *окна*. *Дверь, ворота* всегда заперты, причем маркирован вход *внутрь*, а не выход *наружу*. См.: обрядовое закрывание *дверей* при приезде жениха, выбивание *дверей* приехавшими за невестой, «обычай ломать (проламывать,

* Ср. *пол* как метонимическое обозначение *дома*: «прийти на чужой *пол* – прийти жить в чужой *дом*» (131).

выбивать) *ворота*... в приезд за невестой», открывание *ворот* приехавшим родственникам жениха в обручение, «въезд» в *ворота* в свадебный день, когда их ломают специально далеко выставленными оглоблями (222, 214, 52); «сватовщики приходят, *двери* закрытые. Приходят, *двери* открывают и закрывают сразу...» (152); «подъехали к дому невесты – опять застава, заперты *ворота* и *двери*» (62); *привратник*, *отворотник*, *придверник* – свадебные персонажи, впускающие в н у т р ь (128). *Окна* подчеркиваются занавесками, шторами, полотенцами («к жениху ездят окошка мерять», чтобы подошли «шторы да полотенца» (86)), лентами, соломенным ковриком (вешают в доме, где девушка просватана), закрывающими обзор (прежде всего с п а р у ж и, но и и з н у т р и: «чтобы не скучала невеста, в окно даже не давали ей смотреть» – в доме жениха (264)), и тем самым становятся элементом интерьера.

В н у т р е н н я я структура, в том числе планировка *дома*, напротив, разработана гораздо более подробно. В прикамском свадебном ритуале (во всяком случае) *дом* как таковой (т.е. и *дом невесты*, и *дом жениха*), рассматривается прежде всего как з а к р ы т о е пространство, на котором и в котором замыкается обрядовое действие (см. выше о сложности проникновения в *дом*): важнейший этап жизненного сценария сфокусирован на *внутреннем*, «смена миров» понимается как смена двух микрокосмов, в н у т р и которых находятся действующие лица. Rites de passage почти парадоксально реализуются в н у т р и ограниченного пространства, а их правильное выполнение требует замкнутости микрокосмоса*. Мифоритуальный *путь* в н у т р и *дома* проходит по *полу*, его надо пройти правильно, и в связи с этим особую роль играют *половицы*: *стол* при сватовстве развора-

* Ср. метафору приезда в *дом* жениха после венчания, постросную на элементе интерьера: *половики прикатывать* (131).

чивают в д о л ь по *половицам*, сват ставит ноги в д о л ь *половиц*, и в д о л ь *половиц* ходит по дому высватанная невеста (273-274); к этому же – *полы* после свадьбы моют от икон к *двери* (259).

Примечательно, что все обряды и приметы, связанные с *порогом*, касаются в х о д а в дом, а не в ы х о д а из него: сваты, входя, шаркают ногами о *порог*, «когда молодые з а х о д я т в дом жениха, замечают, кто первый встанет на *порог*» (275-276); «когда невеста в х о д и т в дом жениха, она должна спрыгнуть с *порога*» (278); при в х о д е в дом жениха невесте надо обязательно постоять на *пороге* (296) и т. д.

Свадебный фрагмент мифоритуального сценария начинается со сватовства, и правила входа сватов и их поведения/размещения в *доме* расписаны весьма подробно и пространственно ориентированы на основные элементы внутренней структуры *дома*: *матицу*, *пол*, *потолок*: при сватовстве сваты старались садиться под *матицей*, зайдя в дом, не раздеваясь, сразу переходили за *матицу* (254, 262); сваты не проходят за *матицу*, пока не получают согласие родителей невесты (150); см. обрядовую паремию – для сватов, входящих в дом невесты – «*пол по нам, потолок по нам, матица, не поперечь нам*» (86, 151), см. то же о *пороге*: «*порог молчит, лежит, так чтобы против нас молчали, потакали*» (125).

Передвижение и *место* невесты и жениха (далее, соответственно, молодых), их родителей, других участников свадебного ритуала внутри *дома* детально разработано (сказанное, естественно, не исключает значимости той части ритуала, которая проходит вовне, но здесь мы этого не касаемся). См. некоторые примеры: «когда с девичника уходил жених,

невеста не могла выходить из *дома* (309)*; на обручение невеста провожает жениха только до *крыльца* (245) или стоит у *шестка* (309); «молодых среди *полу* посадят, чуть подальше *матицы*, на *лавку*» (129); когда молодых в доме жениха благословляли родители, они «падали на колени и клали голову на *лавку*» (247); *лавка* в *переднем углу* – место, используемое при провах невесты (83); в *переднем углу* спит невеста после обручения (91); см. формулу *подклет стелить*, на *подклет водить*, *поднимать с подклета* (29, 118; на *подклет* или в *чулан* отправляют спать молодых), см. также обрядовые функции *полатей* – *вести на полатя*, *кататься на полатях* (29, 70-71, 124) и т. п.

Функции интерьера *дома* и отдельных его элементов дополнительно подчеркивают идею замкнутости, «укрывания»; *дом* «прячет» ту, которая должна уйти из него навсегда: «посиденок был: руку дадут, невеста уйдет в *куть*, ревет» (126); «приедут на обручье, дак тогда прятали невесту, за *печь* сажали» (98); на обручение невесту выводят из *кухни* (98); невеста должна была смотреть на жениха «через *грядку*» (полка с припасами), т.е. через препятствие (273); до приезда жениха невеста должна была спрятаться «в укромное место» (249); невесту прятали в комнату за шторами, которые зашивали ниткой (261); до приезда жениха «невеста сидит на середине у окна, завешанная *полушалком*» (270); «невеста за занавесом воет с девками» (111); пока идет выкуп, невеста спрятана в *кутном углу* на *лавке* (301). К этому же: в определенный момент свадьбы (ритуал целования молодых) все *свадебжане* спускались в *подполье* (107).

Особое внимание уделяется роли *стола* как сакрального центра дома, его алтаря, в предсвадебное и свадебное время, в определенном смысле,

* Но зафиксировано и обрядовое покидание *дома* невестой во время окончания сватовства, «чтобы решение было принято без нее» (225).

заменяющего или во всяком случае «оттесняющего» *печь*; прежде всего это касается *дома* невесты, т.е. преимущественно предсвадебного ритуала^{*}, см.: «около *стола*, за *потолочным брусом*, будущая свекровка издали начинала свашить» (153); если невеста дает согласие, сватунов сажают за *стол* (151); в знак окончательной договоренности на *стол* стелят *скатёрку* (165); для удачного сватовства, зайдя в дом, сваты, не раздеваясь, сразу переходили за *матцу* к *столу*, который тут же разворачивали вдоль по *половицам*, и на каждый его угол выставляли по бутылке вина или водки (273); «была договоренность такая, придет крёстный у жениха, отец и у невесты отец и тоже крёстный, становятся за *стол* на четыре угла, подают друг другу руки через *стол* и разнимают. Это называется рукопитьё... значит, невеста просватана» (145–146); «родители руки давали как согласие, чтобы сговор был посолднее, давали через *стол*, чтобы отказа не было» (157); в ключевой момент свадьбы невесту выводят к жениху из *кути*, а жениха к ней из-за *стола* (36); за *столом* происходит обряд расплетания невестиной косы (101, 105); «дедушко, как девка заплакала [при сватовстве], со *стола* столешницу убрал и бросил на *вышку*» (58), по окончании приглашения к голошению невеста садится за *стол* (115); см. также метонимию *стол–дом* «из-за своего *стола* идти замуж» – играть свадьбу в доме невесты (67); в доме жениха обязательно обведение невесты вокруг *стола* (иногда трехкратное), как приобщение молодой к духам нового *дома* (295). Ср. функцию *стола* в обряде «шатить (качать) *стол*» перед отъездом невесты к жениху – в знак отказа от родительского дома (186, 295). См. также: «как просватают девку, она дня три ревет, да о *столешницу* вот колотится», и к этому: «не нареवेशься за *столом*, нареवेशься за *столбом*» (92).

^{*} Мы не рассматриваем здесь свадебный пиршественный *стол*.

Показательно, что жениха, приехавшего за невестой, угощают пирогом не за *столом*, а у *печи*, на *шестке* (309) – обряд, который может иметь несколько толкований и который в рассматриваемом сюжете заслуживает особого внимания. Им вводится противопоставление *стол/печь*. Оказывается, что если в *доме* невесты (в «контексте невесты») маркированным является *стол*, то в *доме* жениха (также в «контексте невесты») маркирована *печь*. Ср. еще обряды в *доме* жениха: «окручивают» невесту (заплетают ей волосы в две косы, в женскую прическу) перед *печью* (99); «всё, отгостили после обеда, за двери невесту не отпускают. К *шестку* обоих ставят молодых, к *печке*. Она даже не смотрит, что родители уехали, чтобы не тосковала» (165); невесту заставляли в *доме* жениха смотреть на *печь*, «чтобы в *новом доме* было легче жить» (291); см. еще о разных ритуальных контактах невесты с *печью в доме* жениха: невесте, когда молодые входили в *дом*, запрещалось сразу смотреть на *печь* – или, напротив, предписывалось посмотреть на *печь*, потрогать ее и даже поест «печины» (268). Из этого следует, что *новый* (для невесты) *дом* символизируется прежде всего *печью*. Сопоставление *стола* и *печи* в прикамском свадебном обряде позволяет высказать предположение о том, что оно соответствует противопоставлению *дома невесты* и *дома жениха*. *Стол* маркирован как место более торжественное, в большей степени соответствующее официальным (пред)свадебным функциям. Весьма существенно, что *стол* – это *meuble volante*: его можно шатать, двигать, поворачивать, т.е. перемещать (в этом смысле он как бы указывает на предстоящее перемещение невесты). Во втором таким центром становится *печь*, символ стабильности, тепла, уюта, хозяйства, плодородия, «покровитель дома» (268) и, следовательно, новой жизни, в которую вступает невеста. В отличие от *стола*, *печь* нельзя передвинуть, она прочно

стоит на своем единственном месте. Этим подчеркивается необратимость для невесты перехода в иной мир/дом.

«Оттеснение» *печи* в *доме* невесты семантически проявляется при сопоставлении с рекрутскими обрядами в том же регионе. В ритуале проводов, который включает обязательное (иногда двукратное) возвращение рекрута после первого выхода из *дома*, особую роль играют действия, связанные с *печью* (подход, прикосновение к ней и т. п.): «как выходить, нужно посмотреть в *печку* и сказать: "Как *печка-матушка* хороша, так и служба моя пусть будет хороша"; «в *печку* поглядишь, чтобы по *дому* не тосковать, скажешь: "Дай Бог мне вернуться *домой*, живому-невредимому, целому"; «рекрут из *дома* выходит, доходит до лошади, от нее возвращается в *дом*, смотрит в *печку* и думает про себя: "Как *печка* от *дома* не отходит, так и ты, раб Божий"; его заставляют поесть на *шестке*, а не за *столом* [ВП 2005, 12-13].

Печь в этом ритуале подчеркивает свою роль «родимого места», в данном случае, места желанного возвращения (*nostos*, семиотической Итаки). Возвращение обязательно для рекрута и шире – для покидающего родной *дом* м у ж ч и н ы , отправляющегося на *чужбину*, но при этом с о х р а н я ю щ е г о *свой дом*. Возвращение запрещено для ж е н щ и н ы , навсегда м е н я ю щ е й п р е ж н и й *свой дом* на н о в ы й *свой дом*.

Символика свадьбы как перехода женщины в *иной* мир известна. Нередко при описании свадебного ритуала внимание исследователей сосредотачивается на *пути*, реальном и семиотическом. В данном случае нам показалось существенным обратиться к *дому*, исходной и конечной точке этого *пути*. Суть рассматриваемого сюжета состоит, собственно, в смене двух *домов-микрокосмов*, и исключительно важным представляется анализ того, каким образом эта смена прочитывается в структуре *дома*, при этом подчеркнута (если не исключительно) в его *внутреннем*, замкнутом про-

странстве. Иными словами, нас интересовало то, как можно «средствами интерьера» (к тому же небольшого по реальному объему) выразить столь масштабный переход, направленный на реализацию универсальной оппозиции *мужской/женский*, что является и целью, и основой свадебного фрагмента мифоритуального сценария человеческой жизни.

Избранная литература

ЭС 2004 –Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь, 2004.

ВП 2005 –Блашин А., Подюков И., Черных А., Шумов К. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, 2005.

Цивьян 1974 –Цивьян Т.В. К семантике дома в балканских загадках // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам 1 (5). Тарту, 1974.

Civjan 1987 –Civjan T. Das Haus im Weltmodell der Folklore (am Beispiel des Rätsels) // Semiotische Studien zum Rätsel. Simple Forms reconsidered II. Bochum, 1987.

Цивьян 2000 –Цивьян Т.В. Архетипический образ дома в народном сознании // Живая старина, № 2 (26), 2000.

Ритуально-этикетные словесные формулы славян

Словесные формулы (СФ) рассматриваются в докладе как важная часть ритуально-этикетного дискурса народной культуры. Повседневное полуритуализованное и обрядовое речевое общение проходит по определенным канонам. В зависимости от обстоятельств коммуникации определяется содержание СФ и способ их произнесения (шепот, крик), а также сопровождение жестом, использование ритуальных символических предметов и др. Отметим, что услышавший СФ должен ответить, произнести соответствующую СФ, в рамках принятых народным этикетом законов коммуникации. Таким образом, нередко СФ представляют собой краткие диалоги, сочетание двух фраз – инициальной и заключительной, ответной. Даже проклятье, казалось бы, монологичная речевая деятельность, допускает своего рода форму диалога, клишированный ответ, или, напротив, обязательное молчание (чтобы проклятье не «прицепилось» и не сбылось).

Предметом анализа служит широкий спектр ритуально-этикетных и обрядовых СФ: приветственные и прощальные клишированные фразы, оповещение и приглашение, благопожелания и благословления, проклятья и обценные реплики, обережные словосочетания, приговоры и пр. Во всех этих СФ находят отражение архаические мифологические воззрения на природу произнесенного слова, вера в его магическую силу. Эти формулы находятся на стыке речевых клише и фольклорных жанров и отличаются особенной устойчивостью, однако даже на синхронном срезе можно увидеть и диахронию – христианизацию клише, размывание внутренней формы и пр.

В центре исследования находятся преимущественно болгарские и восточнославянские СФ, и подобное сравнение представляется весьма продуктивным по многим параметрам. Прежде всего, сопоставляются формулы носителей православной славянской народной культуры (русской, белорусской, украинской и болгарской), что предполагает сходство в базовом наборе клише, в их семантике, структуре и узусе. С другой стороны, болгарский материал дает выход и на неславянские формулы, поскольку клишированные речения входят в общий фонд балканских словесных (переводных или заимствованных) формул. Еще один интересный фактор болгарской речевой культуры, позволяющий исследовать СФ в ином аспекте, – это многовековая (во время Османского ига и после Освобождения) ситуация бытового билингвизма в Болгарии. Турецкие приветствия и благопожелания были в ходу в Болгарии до середины XX века (часть из них, например, осторожная СФ *Ма-шалла* («Слава Аллаху»), по своему ситуативному употреблению идентичная русскому «Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить» остается в активном лексиконе болгар), а воспоминания о доминировании турецких ритуально-этикетных СФ фиксируются и в нынешней экспедиционной практике (например, это показали наши полевые исследования 1997 г. в с. Равна, Провадия, Варненская обл., Болгария).

Ниже мы кратко обозначим специфику семантики и прагматики СФ разных жанров и приведем несколько ярких и наиболее показательных примеров специфики содержания и функционирования СФ в зависимости от вида коммуникации и интенции говорящих.

Приветствия по своему содержанию всегда позитивны, это пожелание добра, здоровья, успеха в определенном виде работе (которую выполняет кто-либо при встрече): *Беленько тебе* (рус.) – стирающей женщине; *Добра напаш* (болг.) «Удачной пахоты» – работникам в поле и др. В Болгарии по-

желание удачной работы произносят и по-турецки (в словарях дается на кириллице): *Колайгеле* (тур. *kolay-gele*) «Чтобы легко работалось» [БЕР 2: 527]. Особые СФ используются для приветствия младенца, например, *Андели послали* [СРНГ 30: 171, Иркутск. обл.] и др.

Церковный праздничный календарь влияет на «выбор» повседневных приветствий. Так, от Пасхи до Вознесения следует здороваться *Христос воскрес*, а отвечать *Воистину воскрес*. Речевой этикет – произнесение/непроизнесение определенной СФ зависит и от обрядовой ситуации: в рамках похоронной обрядности у многих славян запрещено здороваться при входе в дом, где находится покойник. Вместо приветственных СФ (со значением здоровья, то же болг. *Здравей!*) болгары говорят: *Бог да го прости*, и все отвечают *Бог да го прости*.

Прощания нередко составляет нераздельную пару или единое целое с прощением, что поддерживается идентичностью корня (**prost-*) и омонимией форм. Это явление не случайно, оно наблюдается как на уровне словесного и поэтического притяжения однокоренных слов («Нас *простых* и Бог *простит*» [Даль 1: 512]), так и в ритуальной оформленности вербального акта; то есть одновременно с мотивом расставания присутствует и тема испрашивания прощения, которая иногда совпадает с прощением или даже замещает его. СФ прощания во всех славянских культурно-языковых традициях обнаруживают архаические заклинательные мотивы; пожелания добра, здоровья; благословение (болг. *сбогом*, рус. *Не поминай лихом!*, *Будь здоров!*).

Приведу еще один пример регламентаций речевого поведения и произнесения СФ при прощании: болг. *Здраве да си носите!* – *Останете със здраве!* «Берите с собой здоровье» – «Оставайтесь здоровыми!». Такая парность обязательно нарушается в ряде ритуальных ситуаций, воплощая собой

своеобразный анти-этикет. Известны запреты молодой матери отвечать на прощальные СФ, которые произносят гости, уходящие с празднования рождения (верят, что вместе с ее словами «уйдет молоко или сон младенца»).

Оповещение и приглашение – обязательные СФ в традиционном этикете, которые предваряют основные праздники жизненного цикла (родины, крестины, пострижины, помолвку, свадьбу), обряды (похороны, поминки), семейные торжества (ю.-слав. *слава*, *курбан*). Вербальные формулы могут быть прямыми по своему значению. Так, на Рус. Севере женщины оббегают всю деревню, собирая всех на смотрины: *К такой-то жених приехал, приходите смотреть* [Русский Север, М., 2000, с.485]. Чаше встречаются метафорические, иносказательные сообщения (ср. СФ о поле новорожденного через название мужской и женской одежды, занятий и профессий, ср. также болг. указание на то, что пол никогда не сообщается в прямой форме, только иносказательно: *жетвар*, *жетварка*; *косач*; *шетачка* ('жнец', 'жница'; 'косарь'; 'хозяйка'), «чтобы ребенок вырос работящим». Подобные СФ известны и другим славянам: рус. *Казак родился* и др. К этому утверждению добавим еще целый ряд словесных формул и метафор, являющихся как сообщениями о рождении ребенка и о его поле, так и реакцией услышавшего: *Бре, още една жетварка се притури!* «Ну, еще одна жница прибавилась!»; *На бащата заместник пристига* «Замена отцу появилась»; *урач* ('пахарь'); *Юнак се роди. Войник!* «Богатырь родился. Солдат!», *Мома! То е хубаво, госпудяво* «Девочка! Это хорошо, это от Господа Бога».

Реакция на сообщение новости такого рода в народной традиции следует автоматически, выбирается определенная СФ. У болгар это обычно благопожелание: *Да е живо и здраво* («Пусть будет жив и здоров»), или **поздравление**: *честит принов* «С обновкой»; *Честити чехли* «Поздравляем с тапочками» (о девочке), *Честита риза* «Поздравляем с рубашкой» (о мальчике) и др.

СФ приглашения начинается развернутые обрядовые комплексы, например свадьбу. Она содержит такие важные прагматические моменты как информативный (сообщение о месте и времени), этический (выражение уважения). Не-приглашение маркировано, что отражено в пословицах (рус. *Незванный гость хуже татарина*, болг. *Не съм те канил с шарена бяклица* букв. «Я тебя не приглашал с пестрой фляжкой»). Неприглашенные «знающие» люди и др. могут навести порчу на свадьбу (или только на молодого), ср. распространенный сюжет «Незванный колдун на свадьбе». Не-приглашение свата в кумовья при рождении в семье ребенка может вызвать его ярость, и если он проклянет родителей, его проклятие считается самым страшным (болг.). Не-приглашение крестными родителями своих крестников на праздники в течение нескольких лет означает отказ от них, а это, по болгарским поверьям, – великий грех.

Важный момент изучения речевого поведения и всего фонда СФ – это сопоставление благопожеланий и проклятий. Эти краткие тексты получили у балканских народов (в том числе и у болгар) особое распространение. Проклятия по своему содержанию и по общей функциональной направленности антонимичны благопожеланиям. Все темы, присутствующие в пожеланиях, встречаются и в проклятиях, но со знаком минус. Таким образом, реализуются оппозиции: долголетие/смерть; здоровье/болезни; богатство/бедность; счастье/несчастье; брак/безбрачие; наличие детей/бесплодие и др. Ср. пары текстов, которые можно подобрать в публикациях благопожеланий и проклятий: *Бог да ви поживи* – *Бог да те убие, Бог те убил; Аир да видите от парите* «Чтобы тебе эти деньги принесли удачу» – *Аир от имане да не видиш* «Чтобы тебе эти деньги (это богатство) не принесли удачу» [Дабева 1934; Дабева 1937] и мн. др.

Сопоставление благопожелания и проклятия показывает, что позитивная семантика передается меньшим набором конкретных пожеланий,

тогда как детализация негативной интенции (виды увечий и болезней, форма смерти и пр.) практически необозрима. При этом проклятия чаще всего синтаксически односоставны, для благопожеланий более характерна двусоставность и включение разного рода сравнений, основывающихся на традиционных представлениях и на ритуальной практике.

Следует отметить, что благопожелания и проклятия, как и другие словесные клише, по разработанности их мотивов, частотности и хорошей сохранности исследователи относят к балканизмам [Асенова 2003]. Балканский характер этих формул – и это очевидно и из приведенных выше текстов – проявляется в частом использовании балканской лексики (*аур*, *берикет*, *късмет* и пр.), а также в сочетании в одной фразе славянской и неславянской лексем. Ярким примером последнего может быть типичное проклятие с удвоением, которое передается общеславянской и заимствованной лексемой: *Сляп и къорав да станеш, дано!* «Чтоб ты стал слепым и незрячим», где в один ряд с о.-слав. *сляп* ставится его синоним *къорав* (со славянским суффиксом *-ав* наряду с неизменяемым прилагательным *къор*, ср. и серб. *ћор*, алб. *qorr*, рум. *chiog*, арум. *kļor* ‘слепой’ [БЕР 3: 243-244]).

Характер проклятий или обценных формул несут реплики-клише, имплицитно отражающие архаические запреты в сфере этнографии речи (например, на вопрос «Куда?», ср. русское *кудыкать*) и других поведенческих аспектов [Зеленин 2004; Топорков 1990] и имеющие отчасти дидактический характер. Так, при назойливом обращении к матери, отцу или бабушке, использование балканских звательных частиц-обращений (*мари*, *бре*) адресат отвечает формулой-проклятием с упоминанием созвучных (здесь особенно велика роль аллитерации и игры слов) духов болезни, демонов, инвектив-окказионализмов и др.: *Бабо! – Бабици те хванали!* «Бабици (желудочное заболевание) чтобы на тебя нанали»; *Сбабили ти се краката*

«Пусть у тебя ноги заболят (отекут)»; *Tate!* – *Tatnal ta пукнал* «Тятя! – Чтоб ты треснул» [Дабева 1934: 23]; *Марий!* (обращение к женщине) – *Марен те удрил!* «Чтоб тебя Марен ударил»; *Бре!* (обращение к мужчине) – *Брекнал, та пукнал* «Чтобы ты лопнул!» и др. В ответ на отказ, отрицательный ответ *Нема* («Нет») звучит *У немци да идеш* «Чтоб ты к немцам пошел»; *Немци да те търтят* «Чтоб тебя немцы дубасили» и др. Просящим хлеб детям мать отвечает: *Лебник да ть търтил* «Чтоб тебя лебник мял!», в ответ на просьбу о деньгах (*пари*) мать отвечает сыну: *Пари, пари, да пуна-раш* «Деньги, деньги, чтоб ты ошпарился».

Изучение традиционного речевого поведения болгар в контексте балканской модели мира позволяет обнаружить универсальное и специфическое в ритуальной речи славян. Несоблюдение правил г о в о р е н и я в обществе, в котором доминирует вера в магическую силу слова, где само слово синонимично делу, действию [Зелепин 2004: 50; Топоров 1993: 86], где слово воспринимается материально, как предмет, опасно и может повлечь за собой несчастья, болезни, смерть. Это универсальное положение в каждой локальной славянской культуре получает различное семантическое наполнение и особый узор.

Избранная литература

- Агапкина, Виноградова 1994 – *Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н.* Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор. М., 1994.
- Асенова – *Асенова П.* Балканско езикознание. София, 2003.
- БЕР – *Български етимологичен речник*. Т. 1-6. София, 1971-2002.
- Богатырев 1974 – *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1974.
- Дабева 1934 – *Дабева М.* Български народни клетви. Принос към изучаването на народната душа и народния живот. София, 1934.
- Дабева 1937 – *Дабева М.* Пожелания и благословия у българския народ. Принос към изучаването на народната душа и народния живот. София, 1937.

Даль 1984 – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 1-2.

Зеленин 2004 – *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. М., 2004.

Русский Север – Русский Север. Этническая история и народная культура. XII-XX века. М., 2002.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т.1-25 Л.; М. 1968-.

Топорков 1993 – *Топорков А.Л.* На Кудыкину гору // Русская речь. М., 1993, №3.

Топоров 1993 – *Топоров В.Н.* Об индоевропейской заговорной традиции: (Избр. главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.

**Об одном типе словесных формул
в румынском заговорном тексте
(формулы угрозы)**

1. Болезнь (и шире – зло), как известно, изгоняют из тела больного при помощи определенных словесных формул и ссылают *далеко, глубоко, в безлюдье и пустоту*. Но прежде, чем совершить это, ей угрожают, прибегая при этом к определенным заговорным формулам. Ср., например:

<i>Că de nu-i ieși,</i>	А если не выйдешь,
<i>Și de nu-i pieri,</i>	И не сгинешь,
<i>Cu maiu te-oi zdrobi</i>	Вальком тебя разобью,
<i>Cu toporu te-oi tăie,</i>	Топором изрублю,
<i>Cu cușitu te-oi giunghie,</i>	Ножом заколю,
<i>Cu furca te-oi împunge</i>	Прялкой уколую,
<i>Cu furculița te-oi străpunge,</i>	Вилкой проткну,
<i>Cu foarfecele te-oi dumica,</i>	Ножницами искромсаю,
<i>Pe fereastră te-oi arunca.</i>	В окно выброшу.

Ср. также: *Fugi, ploaie călătoare, / Că te ajunge sfântul soare / Și-ți taie picioarele / Cu un pai, / Cu un mai, / Cu sabia lui Mihai* «Прочь, дождик / Не то настигнет тебя солнце святое / И ноги тебе отрежет / Соломиной, / Вальком, / Саблей Михая».

Основные орудия угрозы, как это часто встречается в заговорах, относятся к сфере домашнего и сельского хозяйства (реже к области сакраль-

ного) и характеризуются признаками 'острый', 'колющий', 'режущий', 'остро пахнущий'. Приведу основные типы формул:

а) *Cu măturile-o măturați* «Метлами выметете», *Cu toporu v-or tăia* «Топором вас вырубят», *Cu cuțitu te-oi junghia* «Ножом тебя заколют», *Cu gunoiul afară oi da-o* «С мусором выброшу ее».

б) *Cu secerea le-oi secera* «Серпом сожму их», *Cu grebla te-oi grebla* «Граблями сгребу тебя», *Cu lopata-n vînt te-oi da* «Лопатой по ветру развею тебя»;

в) *Cu sfredelile v-om sfredeli* «Сверлами просверлю вас», *Cu dălțiile v-om dăltui* «Долотом выдолблю», *Cu bărzile v-om bărdui* «Тесаками обтешу вас»;

г) *Cu săbiile te vom săcui* «Саблями изрубим (?) тебя», *Cu paloșu v-or spinteca* «Палашом рассекут вас».

II. *Cu crucea te-oi depărta* «Крестом отгоню тебя», *Cu tămîie te-oi tămîia* «Ладаном тебя выкурю», *Cu aghiazmă te-o spăla* «Святой водой тебя окропит».

Болезнь грозят окурить 99 окá* ладана, обсыпать 99 окá перца, ошпарить 99 горшками кипятка, исцарапать 99 метелками шиповника и т.д.

2. Наибольший, как нам кажется, интерес представляет отмеченный А.Горовеем в его книге о заговорах особый тип угрозы, который состоит в сообщении о возможном произнесении текста, отражающего все этапы выращивания конопли. Этот текст, известный под названием *Chinul cînepei* «муки конопли», служит, в частности, средством для избавления от прострела (*junghi*)¹ Считается, что достаточно пригрозить болезни этим текстом, чтобы она тут же исчезла. Ниже приводится указанный текст, который инте-

* Старинная мера веса = 1260–1291 г.

ресен как сам по себе, так и той функцией, которую он выполняет²: *Stăi, junghiule, / nu junghie, / că eu ți-oi spune chinul cînepii: / cu plugul am arat-o, / cu grapa grăpat-o-am, / boii cu picioarele o călcat-o, / o răsărit ș-o odrăslit, / ș-am cules-o, ș-am pus-o-n baltă, / și-am topit-o, / pe meliță am melițat-o, / pe ragilă am răgelat-o, / cu piepteni am pieptănat-o, / în furcă am legat-o, / cu rășchitor am rășchiet-o, / pe vîrtelniță am depănat-o, / pe urzar am urzit-o, / pe sul am învîrtit-o, / prin spată am dat-o, / cu vatala am bătut, / în ciubăr am fiert-o, / pe iarbă am întins-o, / cu foarfecelă am croit-o, / cu acul am cusut-o* «Стой, прострел, / не пронзай, / не то скажу тебе о муках конопли: / плугом вспахали ее, / бороной взборонили, / волю копытами вытоптали ее, / она взошла и ростки дала, / собрали ее и в воду положили, / и вымачивали ее, / и трепали трепалкой, / и чесали чесалкой, / и чесали гребнями, / к прялке привязывали, / на мотовило наматывали, / на моталку сматывали, / и навивали основу, / и сквозь бердо пропускали, / батаном били, / в кадке шпарили, / на траве растилали, / ножницами кроили, / иголкой шили».

3. В рассматриваемых словесных формулах, как можно было видеть, широко используется прием тавтологии. Чаще всего в пределах одной конструкции соединяются однокоренные слова, но возможна и так называемая «семантическая тавтология»³, когда элементы синтагмы объединяются по принципу семантической близости. Синтаксически эти структуры не отличаются большим многообразием. Чаще всего они состоят из предлога *cu* 'с', (реже – *în* 'в'), существительного и глагола одного с ним корня или, как уже говорилось, общей семантики. Эти формулы часто образуют длинные цепи, что усиливает впечатление и создает ощущение настойчивого повторения одной и той же идеи. Ср., например: *Că eu cu mătura te-oi mătura, / Cu cuițitu te-oi tăia, / Cu apa te-oi îneca, / Cu focu te-oi ardea* «Метлой тебя вымету, / Ножом зарежу, / В воде (досл. водой) утоплю, / Огнем сожгу»; *Că cu focu te*

arz, / Cu tămîia te tămîi, / Cu usturoi te ustur, / Cu cuișitu te-njunghi, / Cu peria te perii, / Cu mătura te-oi mătura «Огнем тебя сожгу, / Ладаном окурю, / Чесноком обожгу, / Ножом заколю, / Щеткой вычищу, / Метлой вымету»; *Că în piuă te-oi pisa, / În moară te-oi măcina, / În vînt te-oi arunca* «В ступе истолку тебя, / На мельнице смело, / По ветру пушу»; ср. также: *Cu bîte te-oi bătea, / Și-n chicioare te-oi călca* «Дубинами тебя избью, / И ногами истопчу»; *Că te ajunge o vacă neagră, / Cu coarnele să te spargă, / Să te azvîrle peste mare, / În pustiu, în depărtare* «А то догонит тебя черная корова, / Рогами забодает, / Через море перебросит / В пустыню, вдаль».

Как можно видеть, в этих цепочках, объединенных общей синтаксической структурой, сочетаются имена и глаголы со значением действия, свойственного данному имени и наиболее для него характерного: метла – мети, нож – резать, колоть, ступа – толочь, мельница – молоть, огонь – жечь, вода – топить, ладан – окуривать и т.д.

Примечания

¹ См., в частности: Т.Н.Свешникова, Т.В.Цивьян. К исследованию семантики балканских фольклорных текстов. Румынские тексты о персонифицированных днях недели // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 225.

² Ср. А. Gorovei. Literatură populară. București, 1985, II. P. 124.

³ См.: Л.Г.Невская. Тавтология как один из способов организации фольклорного текста // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 192–197. «О семантической тавтологии» см. с. 196.

От пословиц к словесным формулам: новые русские пословицы

Важными свойствами словесной формулы являются, с одной стороны, ее *повторяемость*, а с другой – связанное с ней непосредственно *узнавание* формулы членами некоторого сообщества. Поэтому в основе многих словесных формул могут лежать произведения малых фольклорных жанров, как, например, пословица или поговорка, легко опознаваемые и повторяющиеся в речи людей, принадлежащих к некоторому общему «провербиальному пространству». В современном российском обществе роль словесных формул нередко берут на себя так называемые новые русские пословицы (анекдоты). Комический эффект, вызываемый новыми русскими пословицами, во многом основывается на возможности узнавания в них соответствующих традиционных паремий. Формальные изменения традиционных пословиц могут при этом быть минимальными: порой достаточно изменить всего одно слово, чтобы традиционная паремия зазвучала по-другому, превратилась в новую пословицу.

1. Формальный анализ новых русских пословиц

До какой степени можно изменять старую пословицу или поговорку, чтобы она все-таки продолжала опознаваться в новой, обеспечивая тем самым необходимый комический эффект? В наших работах [Velmezova, 2005; Вельмезова, 2006] мы выделили несколько основных групп новых русских пословиц, различающихся именно по степени своего отличия от старых:

1). В новой пословице, по сравнению со старой, может быть заменено только одно слово, к тому же часто совпадающее по ритмике и звучанию

с исходным. Грамматическая структура пословиц во многом остается той же, и новое слово часто играет в соответствующей конструкции ту же синтаксическую роль (ср. новую пословицу *От ребра добра не ищут* при исходной *От добра добра не ищут*). Очень редко грамматическая структура исходной пословицы все же изменяется (хотя бы в минимальной степени), однако звуковое сходство остается максимальным. Таковы, например, новые русские пословицы *Куй железо, пока Горбачев* и *Свою ношу не стянут* при исходных *Куй железо, пока горячо* и *Своя ноша не тянет*. Именно к этой группе можно отнести и многочисленные новые пословицы, построенные на звуковом сходстве русских слов со словами, взятыми из других иностранных языков, прежде всего – английского, как все более распространяющегося сегодня в России. Например: *Береги chest* смолоду, *Первый блин cotton*, *Маслом cash не испортишь* (ср. с традиционными пословицами *Береги честь смолоду*, *Первый блин комом*, *Маслом кашу не испортишь*);

2). По сравнению со старой, в новой пословице заменяется одно слово, при этом фонетическое сходство его со старым для «опознавания» пословицы необязательно – таковы, к примеру, новые русские пословицы *Не пойман – не кайф* и *Не пойман – не олигарх* – дериваты известной русской пословицы *Не пойман – не вор*. Если в первом случае сохраняется ритмическая структура пословицы, во второй производной пословице она нарушается, однако узнавание старого обеспечивается сохранением всех прочих (за исключением единственного измененного существительного) компонентов пословицы;

3). Все слова-компоненты исходной пословицы остаются прежними, но меняются местами, как, например, в новых русских пословицах *Пусто место свято не бывает* и *Укатали горку крутые сивки* при исходных паремиях *Свято место пусто не бывает* и *Укатали сивку крутые*

горки. В этом случае ритмическая структура новой пословицы во многом остается прежней;

4). В некоторых новых русских пословицах к не меняющейся исходной пословице добавляется новая часть. Показательны в этом отношении новые русские пословицы *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь, хоть бегать научишься*; *Повторенье – мать ученья, а заикание – отец*; *С милым рай и в шалаше, если милый на «Порше»* (ср. с исходными *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*; *Повторенье – мать ученья*; *С милым рай и в шалаше*);

5). В пословице, двучленность которой отмечалась в большинстве ее традиционных определений, остается прежней (иногда лишь с небольшими изменениями) одна часть, а другая меняется. Именно таким способом образованные новые русские пословицы представляют собой наиболее многочисленную группу. Вот лишь некоторые из них: *Пока у бабы грим не смоеется, мужик не перекрестится*; *Не все то золото, что плохо лежит*; *Гусь свинье – на один раз пожрать* (при исходных паремиях *Гром не грянет, мужик не перекрестится*; *Не все то золото, что блестит*; *Гусь свинье не товарищ*);

6). Новая пословица образуется из двух старых пословиц, комбинацией их частей. Показательна в этом отношении новая русская пословица *Сделал дело – люби и саночки возить* при традиционных *Сделал дело – гуляй смело* и *Любишь кататься – люби и саночки возить*;

7). Некоторые новые русские пословицы (и это, пожалуй, самая трудная для описания группа) сохраняют грамматическую и логическую структуры, сходные со структурами соответствующих старых русских пословиц, что может подчеркиваться как сохранением прежних логических связей между двумя частями пословицы, так и ритмическо-звуковым сходством новой пословицы со старой. Предикат же, субъект и объект старой по-

словицы могут заменяться другими. Например: *Под лежащую корову доярка не полезет* (ср. с исходной пословицей *Под лежащий камень вода не течет*), *Сколько водки ни бери – все равно два раза бегать* (исходная пословица *Сколько волка ни корми, все равно в лес смотрит*). Правда, в большинстве случаев предикат (хотя бы в одной части пословицы) остается тем же. Ср. следующую исходную пословицу с тремя производными от нее: *Сколько волка ни корми, он все в лес глядит*; *Сколько девку ни пои, – она все равно в глаза глядит*; *Сколько жену ни корми – все равно волком смотрит*; *Сколько гостя ни корми, он все равно напьется*. В первой производной пословице сохранен предикат из второй части исходной пословицы (*глядеть*), а во второй и в третьей – из первой (*кормить*). К этой группе относятся также новые русские пословицы *Дурной SOFT HARD-у покоя не дает* (исходное *Дурная голова ногам покоя не дает*), *Что у женщины на уме, то мужчине не по карману* (при исходном *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*) и т.д.;

8). Наконец, в некоторых, довольно немногочисленных новых русских пословицах, логико-грамматическая и ритмическая структура сильно изменены, по сравнению с исходной. В этом случае «узнавание» обеспечивается прежде всего сохранением предикатов, иногда с соответствующими субъектами и прямыми дополнениями. Таковы новые русские пословицы *Если хочешь, чтобы другой все-таки попал в яму – вырой их две*; *Если встречают по одежке, то надеяться на то, что проводят по уму, не приходится*; *Пока семь раз отмеришь, другие уже отрежут* (при исходных *Не рой другому яму, сам в нее попадешь*; *По одежке встречают, по уму провожают*; *Семь раз отмерь, один раз отрежь*).

При выделении нескольких групп новых русских пословиц мы сознательно шли от большего их сходства с традиционными, старыми пословицами, от которых они были образованы, к меньшему. Цель именно такого

направления анализа состояла в нахождении того «костяка», той основы, которая и лежит в основе схождения нового со старым. При этом последние две группы пословиц, в которых сходство со старыми половицами представлено в минимальной степени, показывают, что в основе сходства старой и новой половицы лежит либо сходная логико-грамматическая структура, либо одни и те же предикаты (хотя бы один и тот же предикат), часто с зависящими от них дополнениями, либо и то, и другое вместе.

Этот вывод дает основание предложить в будущем новые способы классификации пословиц – по предикатам или же по логико-грамматическим структурам. Преимущества такого подхода в сравнении с традиционными способами представления пословичного материала заключается в том, что новые пословицы будут представлены в тех же группах, что и те старые пословицы, от которых они образованы.

2. Новые пословицы: специфика русской традиции?

Насколько нам известно, паремии, подобные новым русским пословицам, не представлены в столь значительном количестве ни в одной другой (по крайней мере, славянской) постфольклорной традиции. Можно ли найти этому объяснение?

Как можно видеть на примере новых русских пословиц, приведенных выше, самые минимальные формальные трансформации традиционных пословиц могут сопровождаться значительными изменениями в плане содержания, в семантике паремий: «анти-ценности» новых пословиц часто противопоставляются традиционным ценностям, отражаемым в прежних паремиях. Однако в каждой культуре и в каждой фольклорной традиции уже изначально существуют ряды пословиц, выражающих противоположные точки зрения. Этому феномену паремиологи дают разные объяснения. Вот

некоторые из них, наиболее часто встречающиеся в современных исследованиях по фольклору (более подробно об этом см. [Вельмезова, 2007]):

1). Речь может идти о том, что в том специфическом ментальном пространстве, к которому обращается пословица, нет противоречий в логическом смысле этого слова. Поэтому пословицы с «противоположными смыслами» могут естественно сосуществовать в рамках одной фольклорной традиции: каждый, кто принадлежит к определенной культуре или фольклорной традиции, владеет всеми связями внутри того специфического ментального пространства, к которому и обращена пословица. С другой стороны, предполагается, что образующие специфическое провербиальное пространство паремии вступают друг с другом скорее в градуальные, чем в привативные оппозиции;

2). Второе объяснение феномена смысловой противопоставленности пословиц связано с гипотезой, согласно которой паремии, выражающие противоположные точки зрения, имеют разный статус в том смысле, что одним из них дескриптивны (т.е. описывают реальное, существующее положение дел), а другие – прескриптивны (т.е. предписывают определенное поведение, образ жизни и т.д.). Действительно, про некоторые пословицы можно легко сказать, описывают ли они реальную ситуацию – или же, напротив, предписывают нам некоторое поведение (прибегая, в частности, к формам повелительного наклонения). Однако для многочисленных пословиц провести подобное разделение оказывается очень непросто. Мы можем лишь предположить, что многие пословицы, выражающие точку зрения, которая соответствует скорее так называемым традиционным ценностям русского общества, прескриптивны (они говорят о том, как именно надо жить, как действовать в той или иной ситуации), тогда как другие паремии, часто отрицающие эту систему ценностей, дескриптивны (они описывают скорее действительную,

чем желаемую ситуацию) – даже если по формальным признакам их и можно отнести к прескриптивным паремиям (в них, в частности, могут употребляться синтаксические конструкции с повелительным наклонением). В одном из наших исследований [Velmezova, 2006] мы проанализировали с точки зрения оппозиции «deskriptivnyi vs. preskriptivnyi» пословицы, печатавшиеся в СССР на протяжении нескольких десятилетий на страницах некоторых периодических изданий. В то время советские журналы выдавали эти прескриптивные паремии за deskriptivnye (в каком-то смысле играя на трудности разграничения двух этих аспектов даже традиционных русских пословиц). Этому явлению, состоящему в представлении прескриптивного deskriptivnym, можно найти аналоги и в советской литературе: писатели – представители направления социалистического реализма – в действительности должны были описывать жизнь скорее такой, какой она *должна была быть* в соответствии с «идеалами социалистического общества», чем такой, какой она *была* на самом деле;

3). Другое объяснение феномена смысловой противопоставленности пословиц связано с тем фактом, что речь может идти о разных социальных группах, чьи точки зрения радикальным образом различаются. Именно неодинаковые условия труда и сам образ жизни представителей разных социальных групп нередко обуславливают и противоположные точки зрения, выражаемые в соответствующих пословицах. Кроме того, предполагалось, что пословицы, возникшие у представителей так называемых «антагонистических» классов и социальных групп, должны отражать противоположные точки зрения на многие проблемы;

4). Еще одно объяснение того факта, что в рамках одной культурной и фольклорной традиции могут сосуществовать пословицы с «противоположными смыслами», связано с утверждением о противоречивом характере

коллективного менталитета в целом. Исследователи, прибегающие к объяснениям такого рода, часто настаивают на особой противоречивости именно *русского* коллективного мышления.

Итак, именно русская фольклорная традиция изобилует пословицами «с противоположными смыслами». Этому факту можно давать разные объяснения, однако ясно, во всяком случае, что «противоречивый» характер русского пословичного фонда является важной его характеристикой. Скорее всего, многочисленные пары русских пословиц, выражающих противоположное, могут дать нам ключ к объяснению наличия в постфольклорной русской традиции большого количества и новых русских пословиц, противоположных по смыслу традиционным паремиям и в то же время их не вытесняющих.

Избранная библиография

Вельмезова, 2006 – *Вельмезова Е.В.* «Новые русские пословицы» и проблема классификации паремий // Живая старина, 2006, № 1, сс.38 – 41.

Вельмезова, 2007 – *Вельмезова Е.В.* «Новые русские пословицы» и проблема смысловой противопоставленности паремий (crossing of proverbs) // Actes du colloque international «Mythe, proverbe, anecdote dans le système de la culture russe (Paris, 6-8 octobre 2005) (à paraître).

Velmezova, 2005 – *Velmezova E.* Proverbe, dicton, anecdote? // Revue des études slaves, tome LXXVI (2005), fascicule 2-3, pp. 293 – 305.

Velmezova, 2006 – *Velmezova E.* Proverbes russes : description ou prescription? // Slavodka. Revue de la Section de langues et civilisations slaves à l'Université de Lausanne, № 13, 2006, pp. 6 – 10.

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

Устные и письменные клише в средневековых рассказах о дохристианском прошлом

В рамках работы над проектом нас интересовала прежде всего судьба словесных формул в эпоху становления письменной традиции, письменной культуры. При этом наше внимание было сосредоточено на истории тех стран, куда письменная культура пришла сравнительно поздно, в X–XI вв., когда у многих европейских народов уже существовала своя, достаточно развитая многожанровая литературная традиция. На Руси же и в Скандинавии, — а именно об этом северном ареале речь пойдет прежде всего, — историческая память существовала по преимуществу (а на Руси, по всей видимости, исключительно) в устной форме.

Книжная культура в эти страны пришла с крещением, и эпоха христианизации по времени совпадала, таким образом, с другим, быть может, не менее важным процессом — переходом от устного слова к письменному. Первые создатели оригинальных текстов, прежде всего текстов об истории собственной страны, волей-неволей должны были столкнуться с проблемой, в

общем виде хорошо известной почти всякому лингвисту: если мы хотим получить «на выходе» связный, пригодный для восприятия письменный текст, невозможно просто и буквально зафиксировать устное сообщение так, как оно было рассказано.

Эта дистанция между устным и письменным повествованием была особенно очевидна для книжников в странах поздней христианизации, потому что здесь авторы имели возможность взглянуть в зеркало более зрелой письменной культуры. Условно говоря, перед их глазами уже были некие образцовые литературные тексты (совсем необязательно исторические сочинения), которые по своей структуре разительно отличались, надо думать, от тех устных свидетельств, из которых им приходилось черпать сведения о недавней истории своей страны. Чтобы ощущать эту разницу между достаточно изощренным письменным словом византийской или западноевропейской традиции и рассказом очевидца или образчиком фольклора, вовсе не обязательно точно представлять все параметры этих различий. Очевидно, что резкий контраст будет обнаруживаться на самых различных языковых и метаязыковых, так сказать, «литературоведческих» уровнях. Наиболее наглядными, как кажется, могут быть противопоставления в области лексики, синтаксиса (порядка слов, характера построения сложного синтаксического целого, допустимое число повторов и т.п.), или принципов построения сюжета, словом, все то, что и в наши дни отличает выстроенное литературное повествование от устного нарратива.

Оговоримся еще раз, что средневековому хронисту, как и нашему современнику, вовсе необязательно оперировать всеми этими категориями, дабы ощутить разницу между авторитетным для него литературным текстом и устным сообщением. Пожалуй, в эпоху средневековья такая дистанция была еще более значительной, чем разница между пособием по новейшей

историей и рассказом сельского жителя о том, как его отец или дед воевал в гражданскую войну. Несходство это зачастую настолько эффектно и, одновременно, эффективно, что нередко вынуждает, к примеру, современного историка-краеоведа попросту пренебречь устными свидетельствами (в особенности, конечно, переданными через вторые и третьи руки) и при составлении собственного исторического отчета ориентироваться, скорее, на «книжное знание», на авторитетные для него письменные источники. При этом он мог отвергать устные истории информантов не только из-за каких-то сугубо идеологических причин, а в первую очередь потому, что они в силу своего несходства с печатным (литературным, письменным) текстом представляются ему «некультурными», «неграмотными», а следовательно – ненадежными, недостоверными. Иными словами, несовпадения в структуре текста, различия, лежащие в области языковых и жанровых характеристик, в определенном смысле ставят под сомнение достоверность самих излагаемых исторических фактов. У первого средневекового книжника тем более не могло быть априорного доверия к рассказам недавних варваров и язычников.

Итак, мы подошли к еще одной, чрезвычайно важной проблеме, стоявшей перед создателями первых историй собственной страны, которые записывались на национальном языке, будь то составитель древнейшей русской летописи или отец исландской истории, творивший в XII в. Здесь, однако, нужно сделать одну необходимую оговорку. Мы исходим из презумпции того, что первыми русскими и скандинавскими историками двигало безусловное стремление к достоверности создаваемого ими описания. Они добивались того, чтобы их история была подлинной и правдивой. Однако самая структура подлинности и достоверности могла быть устроена весьма по-разному.

Как рассказать о событиях недавнего прошлого? Летописец или составитель сагового кодекса не был, да и не мог быть, их непосредственным очевидцем, а предыдущие поколения, с точки зрения письменной традиции, были «немые и безязыки». Устная речь живых свидетелей или их ближайших потомков оказывалась для нашего автора чем-то вроде неясного, смутного гула, каковой надлежало, извлекая из него истину, преобразовать в оформленный текст. Что же из этих, зачастую несогласных между собой, порой заведомо неразумных, и, что весьма существенно, заведомо недостаточных для связного повествования показаний годилось для будущей истории, представлялось достоверным?

Этот момент воплощения памяти и образованности в хронографический текст кажется нам очень важным. Несомненно здесь следует учитывать множество обстоятельств и деталей, которые влияли на отцов национальной истории в странах поздней христианизации. Но говоря о русских и скандинавах, хотелось бы для начала отметить две тенденции, а вернее, два полюса, к которым так или иначе тяготели первые историографы этих народов.

Одна из них довольно ясно изложена в «Прологе» к знаменитому сочинению исландца Снорри Стурлусона «Круг Земной», причем «Пролог», вообще говоря, замечателен той свободой в экспликации собственного метода, которую проявляет здесь автор. В том же, что касается проблемы достоверности, Снорри подчеркивает свою приверженность традициям, заложенным его не менее почитаемым исландцами предшественником Ари Мудрым. В основу своей парадигмы достоверности Снорри кладет два типа источников: он признает заслуживающими доверия поэтические тексты, прежде всего произведения скальдов, сложенные в минувшие времена, но не менее важен для него и другой тип исторической информации, устроенный несколько более сложно. Автор «Круга Земного» считает истинным и досто-

верным такие описания событий, которые переданы по цепочке, от свидетеля к свидетелю. Непременным условием надежности этой цепочки должно быть указание имен всех рассказчиков и точная характеристика их связи друг с другом, отношений каждого предыдущего информанта с последующим. Коль скоро такая линейная последовательность, на одном конце которой оказывается пишущий, а на другом – авторитетный очевидец события, может быть выстроена без изъяна и все ее промежуточные участники оказываются, в силу родства или каких-либо заслуг, достойными доверия, то самый факт, самое событие превращается в непосредственное достояние историка, ведущего рассказ о нем спустя столетие.

Более всего эта процедура напоминает принятое в древнескандинавской судебной практике процедуру установления права наследства. В определенном смысле Снорри демонстрирует, что факт должно наследовать так же, как наследуется вещь. При этом, как и в судебном разбирательстве, было чрезвычайно существенно, чтобы каждый акт передачи объекта из поколения в поколение или купли-продажи был обозначен произнесением имен, родовой принадлежности, а по возможности, и еще какими-то характеристиками взаимодействующих лиц. Сами по себе имя и в особенности род участника определяли в прямом и переносном смысле его место на земле, включали совершенное или рассказанное им в некоторую обширную и надежную систему имущественных отношений и/или знаний. Такая удостоверительная цепочка признавалась залогом надежности не только в сочинениях Снорри. Ср., например, образчик подобного рода удостоверения из собрания саг, известного как «Красивая кожа» (20-е гг. XIII в.): *«Так об этом рассказывал Торгильс сын Снорри, мудрый муж, а он говорил, что ему об этом рассказала Гудрид дочь Гуторма, который был сыном Стейга Торира, а он <Гуторм> говорил, что он сам видел... тот плащ, что конунг Харальд Суровый*

отдал Ториру. Из этого плаща впоследствии было изготовлено алтарное покрывало. Все это подтверждает Бёльверк, брат скальда Тьодольва <далее следует строфа скальда Бёльверка сына Арнора из поэмы о Харальде Суровом>»^{*}.

В определенном смысле и показания скальдов признавались достоверными потому, что произносились перед множеством свидетелей, среди которых были и очевидцы событий. Тем самым скальд как бы лишался возможности говорить неправду: *«Мы признаем за правду все, что говорится в этих песнях об их походах и битвах. Ибо, хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небывлицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой»*^{**}. Сохранность же его слова обеспечивалась, по-видимому, структурной жесткостью стиха, который практически не допускал замен, опущений и перестановок – искажений в плане выражения, а стало быть, и в плане содержания: *«А песни скальдов, как мне кажется, всего меньше искажены, если они правильно сложены и разумно истолкованы»*^{***}.

Итак, во главу угла, в качестве критерия достоверности, в скандинавской средневековой историографии ставилось устное свидетельство, а вернее, – коль скоро речь шла о событиях относительно давних – цепочка

^{*} См. [Fsk. Kap. 52. S. 245].

^{**} См. [K3. Cc.9–10]. “Tökum vér þat alt fyrir satt, er í þeim kvæðum finnsk um ferðir þeira eða orrostur; en þat er háttir skálda, at lofa þann mest, er þá eru þeir fyrir, en engi myndi þat þora, at seggja sjálfum honum þau verk hans, er allir þeir, er heyrði, vissi, at hégómi væri ok skrök, ok svá sjálfr hann; þat væri þá háð, en eigi lof” [Hkr. Bnd. I. Bls. 5–6].

^{***} См. [K3. C.10]. “En kvæðin þykkja mér sízt ór stað færð, ef þau eru rétt kveðinn ok skynsamliga upp tekinn” [Hkr. Bnd. I. Bls. 8].

надежных устных свидетельств, произнесенных известными по имени людьми. Строго говоря, в такую цепочку в дальнейшем могли встраиваться в качестве отдельных звеньев и авторитетные авторы письменной эпохи, но при этом на письменные тексты отнюдь не возлагалось какой-либо доминирующей функции. Напротив, они рассматривались скорее как всего лишь фиксация устного слова, позволяющая ему звучать вновь и вновь.

Разумеется, показания надежных и авторитетных очевидцев – это отнюдь не все, из чего состояла повествовательная ткань скандинавских исторических описаний, однако именно они служили здесь «скелетом истины», убеждающим читателей в правдивости всего остального.

Как же обстояло дело в русской традиции?

Обращает на себя внимание, что в древнейших русских летописях при описании событий эпохи крещения и, в особенности, дохристианского периода русской истории, т. е. того времени, когда собственной письменной традиции на Руси еще не было, своеобразный «коэффициент книжности», пристрастие к использованию цитат, скрытых и явных, эксплицитных библейских аллюзий, готовых сюжетов и образов, заимствованных приемов построения текста куда выше, чем в основном пространстве повествования. Иными словами, рассказ о церковном строительстве Владимира Святого осмысливается в перспективе библейского рассказа о царе Соломоне, а некоторые предания о его отце и деде на поверку оказываются чрезвычайно близки к рассказам о легендарных правителях античного мира. Почему так происходит? Почему летописец столь охотно пользуется готовыми формами, клише, топосами и формулами самого разного уровня? И что, наконец, должен делать исследователь, обнаружив такого рода «готовое слово» в том самом летописном тексте, из которого он в идеале хотел бы почерпнуть сведения о русской истории или об уровне образованности составителя летописи?

Как кажется, на сегодняшний день более традиционным объяснением для использования ипокультурных образцов является указание на недостаток у средневекового историографа точных знаний о реальных событиях глубокой древности, недостаток, который он компенсирует попыткой заместить собственную историю – историей библейской или историей тех стран, которая для него по каким-либо причинам особенно авторитетна. Такой подход представляется вполне оправданным, но он, как кажется, далеко не охватывает всей сложности проблемы, а порой ведет даже к неправильному ее решению. Дело в том, что побочным продуктом подобного взгляда часто оказывается прямое или косвенное утверждение о недостоверности фактов, которые летописец сообщает с помощью избранного им языка готовых форм. Попросту говоря, обнаружив цитатный характер того или иного эпизода, исследователь может почти автоматически присвоить ему статус недостоверного, тогда как в действительности повествование о древних временах зачастую структурно сложнее и, так сказать, более нагружено, чем рассказ о событиях, современных летописцу, жившему в XI или XII столетии.

На наш взгляд, ключ к этой сложности лежит как раз в осуществлении перехода от устного слова к письменному. В самом деле, если принять весьма убедительное предположение А. А. Шахматова о том, что какие-то записи историографического характера велись уже при дворе Владимира Святого, то становится очевидным, что временная дистанция между крестителем Руси и основателями династии совсем невелика. Что же касается Святослава, княгини Ольги и Игоря, то их отделяло от начала письменной культуры всего одно-два поколения, и упоминания и различные устные свидетельства об их княжении едва ли могли исчезнуть из памяти людей, окружавших сына Святослава Игоревича.

При этом мы ничего не можем сказать о той форме, в которой эти предполагаемые свидетельства бытовали. Все построения исследователей, где речь заходит о «дружинном фольклоре», «исторических песнях» и «устных исторических повестях» того времени, предельно гипотетичны. Однако мы с довольно большой долей уверенности можем сказать, что в предхристианские времена и непосредственно в годы крещения на Руси не существовало устойчивой традиции публичного судоговорения и развитой традиции пространных прозаических рассказов, подобных сагам. Иными словами, не существовало тех типов устного текста, которые с относительной легкостью могли быть подвергнуты трансформации в текст письменный.

В самом деле, речи, произносимые на тингах, или саги не просто являли собою прозаически оформленный текст, но требовали определенной последовательности в изложении событий (последовательности, которая вполне может быть определена как фабула) и должны были отвечать множеству довольно сложных критериев, связанных с понятностью, убедительностью и удобством запоминания. Это были тексты, по самой своей структуре предназначенные для последующего многократного воспроизведения, и именно поэтому они легко передавались по цепочке свидетелей, или скорее, авторитетные свидетели, образцовые носители этой культурной традиции обладали умением структурировать свой устный рассказ, выстраивать его по некоторым правилам.

Впоследствии на эту основу наслаивались, разумеется, многочисленные характеристики письменной речи, и скандинавские саги, в том виде, как мы их знаем, несомненно являются продуктом причудливого симбиоза письменной и устной культуры. Однако сейчас для нас существенно отметить достаточно высокую степень структурированности скандинавского

прозаического рассказа о событиях минувшего, ту структурированность, которой, по всей видимости, были лишены устные свидетельства в древнерусской традиции. Здесь, как кажется, отсутствовала традиция передачи прозаического рассказа «по цепочке», тогда как всякий другой жанр требовал весьма существенных усилий для «пересчета» в связанное историческое повествование, не давал основы для построения сюжета. В этой ситуации куда большим удельным весом обладали приходящие извне инокультурные образцовые тексты. Именно им могла отводиться сюжетообразующая роль в претворении разножанровых и бесфабульных устных свидетельств в письменную историю Древней Руси.

Мы полагаем, что эти заимствованные образцы вовсе необязательно подменяли собой устное свидетельство, они попросту структурировали, выстраивали его. Приведем в качестве иллюстрации один из рассказов о князе Святославе Игоревиче, много воевавшем на чужбине и, по словам летописца, не любившем подолгу жить в Киеве^{*}. Речь идет о том знаменитом эпизоде, когда в отсутствие князя на Киев напали печенеги, и его мать, княгиня Ольга, с малолетними внуками, наследниками князя, оказалась в осаде и подверглась непосредственной опасности.

Как мы помним, опасности удалось избежать, и вражеское войско ушло еще до возвращения князя в Киев. В целом, вся эта история традиционно рассматривается скорее как описание реальных исторических событий, хотя все связанное с князем Святославом поневоле подвергается сомнению в работах исследователей. Не отказывая этому фрагменту в известной факто-

* «Рече Святославъ къ мѣтрѣмъ своимъ и къ бояромъ своимъ не аки ли естъ въ Киевѣ быти хощи жити с Печенѣгами въ дѣланіи како то естъ гребѣи въ земли моиѣ како тѣхъ кѣмъ бѣгаѣа ходати въ Греки за то паволоки вѣна [и] вообще розноличныа и... Шесть же изъ ирога гребю и конони изъ Русѣи же скопа и воику мѣдѣи и чела» [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 67 под 969 г.].

графичности, хотелось бы обратить внимание на своеобразный эпилог, которым эпизод заканчивается. Именно он, как и положено эпилогу, дает оценку и подводит итог случившемуся.

Функцию такого эпилога в летописи выполняет знаменитая «прямая речь» киевлян: «и погаша Князь къ Сѣтославѹ г҃ище ты княже чуждъ земли ирешъ и блудешъ а своего сѧ ѡхаживъ малѣ бо на' не възаша Печенѣзи и мѣръ тѣи и дѣти твоѣхъ аще не придеши ни ѡборониши на' да пакы възмѣтъ аще ти не жалѣ ѡтѣчнѧ своего и мѣръ стары ѡца и дѣти твоѣхъ»^{*}. Князь же, как известно, в ответ расчувствовался и пожалел об участи детей и матери. Этот финал, помимо всего прочего, помещает весь рассказ в перспективу ряда родовых характеристик князей Рюриковичей, перекликается с другими содержащимися в летописи характеризующими Святослава изречениями, его отзвуки обнаруживаются и в хронологически удаленных фрагментах летописного повествования.

Между тем, как и всякая прямая речь, дошедшая из прошлого, наш эпилог вызывает определенные подозрения относительно своей аутентичности. В самом деле, нет ничего принципиально невозможного в том, что некий очевидец точно запомнил и буквально воспроизвел речи киевских посланников, а это воспроизведение, в свою очередь, в столь же буквальном виде оказалось в распоряжении составителя летописи. Однако на сей раз дело, по-видимому, обстоит иначе, что весьма характерно для описания дописьменного периода в русской летописи. Скорее всего, летописец вложил в уста киевлян изречение из некоего греческого флорилегия, «мудрость», приписываемую Исократу, или, благодаря весьма

^{*} См. [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 67 под 969 г.].

распространенной как в греческих текстах, так и в русских переводах ошибке, – Сократу.

Укажем русскую версию этого текста, представленную в «Пчеле»: «Нже братъи и ѿца оставиши, ннѣ зовоуть на дружбоу, то подобни темъ, нже свои земли оставиши, а чужоу стражи^{*}». Очевидно, что в изречении философа присутствуют обе содержательные составляющие интересующей нас речи киевлян – оставление своего родителя и пренебрежение отчизной ради охраны чужой земли, причем в греческом источнике одно уподобляется другому, тогда как в древнерусском и то и другое в равной степени ставится в упрек князю. Иными словами, при незначительном различии риторических фигур перед нами безусловная близость, если не тождество содержания.

Мы взяли бы на себя смелость утверждать, что летописец непосредственно пользовался русским текстом «Пчелы». Время перевода этого памятника до сих пор вызывает довольно ожесточенные споры у исследователей. Во всяком случае, сколько-нибудь надежные следы его бытования и цитирования прослеживаются на русской почве с последней трети XII столетия. Соответствующие же речи киевских посланников из рассказа о Святославе Игоревиче присутствуют во всех трех древнейших летописях и, следовательно, попадают в летописный свод, по крайней мере, на столетие раньше.

Кроме того, лексика этого летописного фрагмента скорее заставляет предположить, что его автор использовал иной перевод речения философа, нежели тот, что представлен в дошедших до нас редакциях «Пчелы». Тем не менее, оставляя пока в стороне достаточно сложные вопросы сравнительной хронологии этих текстов, можно, как кажется, утверждать, что для заверше-

^{*} См. [Семенов. Сс.68-69].

ния истории о приходе печенегов под Киев летописец воспользовался цитатой из некоего византийского сборника.

Сказанное не означает, что никакого диалога между киевлянами и их князем не было. Вполне возможно, что летописец даже располагал какими-то свидетельствами о том, как горожане встретили Святослава после его возвращения в столицу. Однако правильную, пригодную для летописи форму эти показания смогли приобрести лишь будучи, так сказать, пропущены через авторитетный текст книжной культуры.

Необходимо отметить, что с таким наложением «готового» инокультурного образца на рассказ о предхристианских временах мы сталкиваемся в летописи не единожды. Анализ некоторых случаев подобного рода является одной из задач нашего исследования. Сейчас упомянем только, что знаменитый летописный рассказ о том, как сын Святослава, Владимир, захватил Полоцк и силой взял в жены Рогнеду, может быть сопоставлен, например, с притчей об Александре Македонском и отвергнутой им пленной дочери Дария, зафиксированной в той же «Пчеле»^{*}.

Судя по всему, на Руси существовала общая тенденция оценивать как достоверное в собственной дохристианской истории то, что соответствует истории других земель, изложенной в авторитетных письменных текстах. Устные свидетельства о недавнем прошлом, несомненно присутствовавшие в поле зрения русского летописца, зачастую отбирались, оформлялись и сюжетно организовывались в соответствии с этими заданными извне образцами. В этом смысле готовое письменное слово здесь явно доминировало над устным, а предельно отвлеченный литературный текст, парадок-

^{*} Ср. [Семенов. С.34].

сальным образом, оказывался лучшим воплощением устного свидетельства о минувших временах.

Сокращения

КЗ – *Снорри Стурлусон. Круг Земной* / Изд. подгот.: Гуревич А.Я., Кузьменко Ю.К., Смирницкая О.А., Стеблин-Каменский М.И.. М., 1980.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб./Лг./Л.; М., 1841 – 2004. Т. I – 43. (В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, ссылаемся на последнее издание.)

Семенов – Melissa. Ein byzantisches Florilegium Griechisch und altrussisch Nachdruck der Ausgabe von V. Semenov mit einer Einführung und neuen Registern von Dmitrij Tschizhevskij. München, 1968. (Slavische Propyläen. Bd. 7.)

Fsk. – Ágrip af Nóregskonunga sögum. Fagrskinna – Nóregs konunga tal / Bjarni Einarsson gaf út. Reykjavík, 1985. (Íslenzk fornrit. Bnd. XXIX.)

Hkr. – Heimskringla / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1893 – 1900/1901. Bnd. I – IV. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. 23.)

Толкование словесных формул христианской культуры в славянских лингвистических сочинениях XVI-XVII вв.

1. Словесные формулы являют собой движущиеся во времени языковые единицы, «наполняющиеся содержанием очередных общественных мирозерцаний» [Веселовский 2004: 73]. Императивы культуры определяют концептуальную направленность, идеосемантику, структуру и состав словесных формул. Так, императивом христианской культуры являлась идея *спасения*: “действие” Бога Сына в тварном мире означало новый этап во взаимоотношениях человека с Богом, ибо Бог предстал как сила *спасительная, спасающая* людей от их грехов. Будучи ценностным культурным ориентиром, словесные формулы, выражающие идею *спасения*, не только усваивались носителями культуры посредством литургического опыта, но и осмыслились посредством богословского опыта, одной из форм которого являлся филологический опыт. Филологическая рефлексия, фиксировавшаяся в словарях, грамматиках и орфографических трактатах, была направлена на «раскрытие» собственно языковой семантики и идеосемантики словесных формул.

В данной работе предметом исследования являются базовые для христианской культуры словесные формулы, получившие развернутое толкование в славянских лингвистических сочинениях XVI-XVII вв.: в азбуковнике *Кни́га глѣмѧ алфавѣтъ содер-жа́ща в себѣ то́кова́ние неудо́бразъмева́емыхъ* речен..., в орфо-

графическом трактате *Філа соўществѹ кніжнаго писмѧ*, в грамматических трактатах *Кніга глѣмага вѣквы грамотичнаго оученіа* и *Начало кнізѣ глѣмей грамати́ка*, а также в грамматике Мелетия Смотрицкого – *Грамматіки Славѣнскіа* *правилное Ѡвнтагма*.

2.1. Словесные формулы – *Ісѣ хсѣ*, *Ѡлицѣ прѧное хсѣ*.

Именная формула *Ісѣ хсѣ* является базовой христианской формулой, поскольку отражает суть христианства и задает образец молитвенного обращения: человек обращается, призывает, а Бог слышит в этом призыве свое имя. Филологическая рефлексия славянских книжников прежде всего была направлена на выявление идеосемантики обоих компонентов формулы, т.е. на выявление особого характера употребления явленных в формуле слов применительно к Богу Сыну.

Толкование имени *Иисус* в азбуквнике позволяло разрешить проблему тезоименности: имя *Иисус* как имя Бога получало исходную семантическую характеристику, а имя Иисус как имя человека было представлено в именной формуле, задающей дополнительный семантический признак, указывающий на конкретного носителя имени в библейской картине мира.

Кніга глѣмая алфавітъ...:

ісѣ, *іс* имя є' евренско, а толкується *ісѣ* *спѣсѣ*,

ісѣ *наввинъ*, т. *спѣсѣ* мирнын,

(* *навва*, мирнын [Ковтун 1989: 195, 201, 231]).

Базовая словесная формула $\overline{\text{Ісѣ}} \overline{\text{хсѣ}}$ непосредственно соотносилась с производными молитвенными формулами, структурообразующим компонентом которых было слово «Христос», например, со словесной формулой $\overline{\text{Влѣце}} \text{ пр}^{\text{а}} \text{ное} \overline{\text{хсѣ}}$. Филологическое толкование, обычно поддержанное в азбуковнике ссылками на богословские тексты, выявляло и исходную семантику и идеосемантику слова «Христос», что позволяло обратиться к разрешению основного вопроса христианства – вопроса о характере отношений между человеком и Богом.

Кни́га глѣма́я алфави́тъ...:

$\overline{\text{хсѣ}}$, помазанникъ, хрѣсти глѣются царѣе, іереѣ, мазаху во ся стѣ^м масло^м, о^т рога на глѣву изливаему, глѣ^т же ся гѣ^м $\overline{\text{хсѣ}}$, еже и црѣ, яко іерен, принесѣ во ся са^м жертва за ны, помаза во ся и тон в ресноту истинны^м масло^м стѣго $\overline{\text{дхѣ}}$ дѣнствова, кто во инѣ имѣ $\overline{\text{дхѣ}}$, яко гѣ^м, во стѣ^х у^{во} благѣть стѣго $\overline{\text{дхѣ}}$ дѣнствова, во хѣ^ѣ же не дѣнствова благѣть $\overline{\text{дхѣ}}$, но $\overline{\text{хсѣ}}$ гѣ^м со $\overline{\text{дхѣ}}$ единасущенѣ, истинною содѣя чюдеса. (ма^а $\overline{\text{а}}$ то^аковое) [Ковтун 1989: 273], (*ма^а $\overline{\text{а}}$ то^аковое - ссылка на полях на Толковое евангелие Феофилакта Болгарского).

В грамматике Смотрицкого, ориентированной не только на достижение понимания воспроизводимых библейских и литургических текстов, но и на порождение новых текстов, особое внимание уделялось грамматическим параметрам словесной формулы $\overline{\text{Ісѣ}} \overline{\text{хсѣ}}$: приводилась нормативная парадигма склонения имени *Иисус* и обсуждалась проблема склоняемости / несклоняемости имени в формуле.

Грамматіки Славѣнскіѣ правилое Сѹнтагма:

Исѣс/пречѣстное х^а Г^ада имѣ/ ѿвѣгда скланѣется
 правнѣ, *Гс, Гса, Гсѣ/* или *Гсови, Гса, Гсе, Гсомъ, ѿ Гсѣ,*
 спсительномъ именѣ х^с, припрѣжено/ превывѣетъ иногда
 нескланѣемо ѿкѿ/ Именѣ: *Гс х^с, Ро^а: Гс х^а, Да^т: Гс х^ѣ, Ви^н: Гс х^а,*
Зва^т: ѿ Гс х^ѣ, Тво^о: Гс х^{омъ}, Ска^з: ѿ Гс х^ѣ [Смотрицкий 1619: л.
 56 об.].

Идеосемантические особенности словесных формул $\overline{Ic\bar{x}}$ $\overline{xc\bar{x}}$, $\overline{B\bar{n}nc}$ пр¹ное \overline{xc} получали выражение на письме: компоненты формул писались под титлом в соответствии с установкой “что покрыто пишется, то с²то” (см. подробно: [Успенский 2002: 314-315]):

Віла соўществѣ кніжнаго писма:

Іса сѣна бжїа 'і спса н содѣтеля мїрѹ 'і гдѣ всемѹ по
всѣмъ по^ в'зметомъ пиши. Ісѹса сына нѣвинна, 'і исѹса сирахова 'і
їны ісѹсы складомъ пиши ...

Бл҃нце прѣвное х҃с ... покрыто пиши ... і со́лнце вѣдимоє ...
складомъ пиши [Ягич 1896: 423, 426],

Грамматики Славѣнскіа правнано Сунтагла:

У ТѢЛѢ и ѡ СЛОВѢТѢ... ѹПОТРЕБЛЯЕМЪ ѻБЪ Ѣ КАЛІГРАФЪ
ВЫВАЮТЪ / Ъ САМЫХЪ ТОЧНО ИМЕНЕХЪ БОЖІИХЪ, и БОЖІЕЙ ЧѢСТИ
СЛѢДУЮЩІИ: ѢКѢ, ГДѢ / БГѢ / ѠЦѢ / СНѢ / ДХѢ С: Іс / Хс / СпсѢ /

ДѢа/ чѣтаа/ Бѣа/ Мѣа/ Цѣковѣ/ Бѣгліе, Бѣнцѣ прѣвноѣ хс: и
проѣ [Смотрицкий, л.19 об.].

Поскольку лингвистические сочинения в конфессиональной культуре носили экзегетический характер, т.е. создавались для того, чтобы помочь читателям «сѣтая писанія со вниманіемъ проходить» или чтобы помочь «дерзнуть на составленіе тропаря или канона» [Ковтун 1989: 90, 157], подвергшиеся толкованию отдельные слова или словесные формулы нередко рассматривались в рамках строго определенных текстов. Так, например, приведенное выше орфографическое правило, дифференцирующее написания под титлом и без титла, строилось на разборе тропаря, семантическим ядром которого и была словесная формула **Бѣнцѣ прѣвноѣ хс.**

Вѣла соѣществѣ книжнаго писма:

Бѣнцѣ прѣвноѣ хс бѣгѣ нѣшѣ вѣлка твари ꙗко гдѣ сынъ всемѣ ꙗко
творецъ всѣхъ вѣдимыхъ ꙗко невѣдимыхъ единый ѣсть ꙗко вѣвѣнъ вѣ вѣкы ꙗко
ѣсть ѡ бѣдетъ, аминь.

ты*, ѡ каллиграфѣ, не смѣшан несмѣсное но ѡдѣланъ, спсѣво
имѣ, спсѣ, спсѣ, спсѣніе наше, ꙗко стрѣти хрѣтовы ꙗко сна бѣжа ꙗко сѣнцѣ
прѣвноѣ, ꙗко спсѣтелѣ мѣрѣ, ѡ стрѣти сѣты, сѣа всѣ покрыто пиши.
А ѣже спасѣ бѣже люди своѣ, ꙗко спасѣ насѣ ꙗко спасти ꙗко спастисѣ ꙗко
спасѣетъ, ꙗко солнцѣ вѣдимое, всѣ таковаѣ складомъ пиши ꙗко
смотри ѡ сихъ прилѣжно... [Ягич 1896: 426].

2.2. Словесная формула - **Спаси бже люди свои**.

Словесная формула - **Спаси бже люди свои** также является базовой для христианской культуры, поскольку она определяет характер молитвенного обращения, т.е. представляет молитву как путь возведения человека к Богу.

Филологическая рефлексия славянских книжников над словесной формулой **Спаси бже люди свои** прежде всего была направлена на снятие грамматической синонимии, т.е. на дифференциацию притяжательных местоимений «твой»/«свой». В качестве дифференцирующего признака книжники рассматривали тип высказывания, в формировании которого участвовали притяжательные местоимения. При таком подходе внимание книжников было сосредоточено на ситуативных и жанровых задачах, актуальных для тех, кто использовал данные формы (см. подробно: [Гаспаров 2003]).

Кни́га ꙗ́зѣмаѣ бѣ́квы гра̑мѣти́чнаго оуче́нїа :

Спсѣи лю́ди свои, или твоѣ, ѿно ест и ино. Первое *молебное* ѿ о людех ꙗ́зѣтсѧ ѿ Спсѣи лю́ди свои. Второе* *повѣдате́но* о людех ꙗ́зѣтсѧ, еже спсѣоша лю́ди твоѣ. Тѣмже достоитъ на̑м разсꙋждаѣ еже гдѣ рещи свои, или твоѣ [Грамматический сборник 2002: 98].

Высказывание, представляющее собой молитвенное обращение к Богу (*молебное* ѿ о людех ꙗ́зѣтсѧ), строилось на семантической соотнесенности формы повелительного наклонения и притяжательного местоимения «свой»: местоимение «свой» с одной стороны, снимало формальную избыточность в выражении субъекта-адресата, на который однозначно указывала глагольная форма, а с другой стороны, усиливало идеосемантику –

значение интимности молитвенного приобщения к вере. Основными жанрами, реализующими данный тип высказывания, являлись псалом, молитва, тропарь, кондак.

В высказывании, представляющем собой повествование для Бога или для человека (*повѣдате́но о людеѣ гл҃етсѧ*), употреблялись формы изъявительного наклонения и притяжательное местоимение «твой»: разный характер субъектов требовал их формального выражения и в глагольных, и в местоименных формах. Основными жанрами, использовавшими этот тип высказывания, являлись Евангелие, проповедь, житие.

Другим дифференцирующим признаком выступал формальный характер субъекта, что требовало строгого различения местоимений по лицам вне зависимости от типа высказывания, в котором эти местоимения употреблялись. Такой подход, отражавший влияние греческого языка на церковнославянский, был использован в процессе книжной sprawy, осуществленной Максимом Греком в XVI в. и никоновскими справщиками в XVII в. Соответственно, в результате никоновской sprawy в рассматриваемой словесной формуле местоимение «свой» было заменено на местоимение «твой»: **Б҃гъ ѿ своихъ людемъ твоихъ** → **Б҃гъ ѿ людемъ твоихъ твоихъ** (см. подробно: [Успенский 2002: 459 – 461]).

Внимание славянских книжников было также сосредоточено на правилах правописания глагольной формы в словесной формуле **Спаси бже люди свои**. Глагольная форма могла быть написана без титула и под титулом, поскольку конкурировали два орфографических правила: в соответствии с одним правилом под титулом писались только имена, в соответствии с другим правилом под титулом писались и имена, и глаголы.

Вѣла соуществѣ книжнаго писма

...спсово ѿмѣ, спсѣ, спсе, спсѣніе наше ... покрыто пиши.

А ѣже спасѣ ѿже люди своѣ, ѿ спасѣ насѣ ѿ спасти ѿ спастисѣ ѿ спасаѣтъ всѣ таковаѣ складиомѣ пиши ѿ смотри ѿ сихѣ прилѣжно... [Ягич 1896: 426].

Книга глѣмѣа въкъвы гра"мѣтнѣнаго оученіа ѿспси люди своѣ

Начало книзѣ глѣмѣй гра"мѣтика

Титло полагаѣтсѣ ... не токо на^а ѿмены, но ѿ на^а рѣчми
[Грамматический сборник 2002: 171].

3. Анализ филологической рефлексии, направленной на «раскрытие» смысла базовых христианских словесных формул, позволил определить стратегии лингвистического описания, реализованные в славянских лингвистических сочинениях XVI - XVII вв.:

- снятие лексической и грамматической омонимии и синонимии,
- выявление в языковых единицах, являющихся ценностными культурными ориентирами, не только собственно языковой семантики, но и идеосемантики, мотивированной типом культуры.
- характеристика языковых единиц в конкретных текстовых условиях, учитывающих ситуативные и жанровые установки.

Избранная литература

Веселовский 2004 – *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 2004.

Гаспаров 2003 – *Гаспаров Б.* Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах (К вопросу о природе грамматического значения) // Русский язык в научном освещении. № 1 (5). 2003.

Грамматический сборник 2002 – Грамматический сборник 1620 г./ Издание и исследование Е.А. Кузьминой // *Aion – Slavistica. Annali dell' Istituto universitario Orientale di Napoli.* № 1. 2002.

Ковтун 1989 – *Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI-XVII вв., Л., 1989.

Смотрицкий 1619 – *Мелетіи Смотрискій.* Грамматіки Славенскіа правнаноє **Сѣнтагма**. Евью, 1619. Переиздано: Киев, 1979.

Успенский 2002 – *Успенский Б.А.* История русского литературного языка. М., 2002.

Ягич 1896 – *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Berlin, 1896.

<i>Т.М.Николаева</i>	
Формулы и стереотипы коммуникативных стратегий.....	3
<i>Т.Н.Молошина</i>	
Стереотипные формулы проклятий и недобрых пожеланий с глагольными формами косвенных наклонений в современных славянских языках.....	14
<i>М.В. Завьялова</i>	
Словесные формулы в ассоциациях.....	18

<i>Т.В. Цивьян</i>	
Стереотип дома в свадебной терминологии Северного Прикамья (по материалам этнолингвистического словаря).....	26
<i>И.А.Седакова</i>	
Ритуально-этикетные словесные формулы славян.....	36
<i>Т.Н.Свешикова</i>	
Об одном типе словесных формул в румынском заговорном тексте (формулы угрозы).....	44
<i>Е.В. Вельмезова</i>	
От пословиц к словесным формулам: новые русские пословицы.....	48

<i>А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский</i>	
Устные и письменные клише в средневековых рассказах о дохристианском прошлом.....	56
<i>Н.Н.Запольская</i>	
Толкование словесных формул христианской культуры в славянских лингвистических сочинениях XVI-XVII вв.....	70

Научное издание

**Словесные формулы славянского мира:
метатеория и эмпирия**

Подписано в печать 8.12.2006.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Объем 4,65 усл. печ.л.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии издательства “ПРОБЕЛ-2000”
тел.: (495) 291-03-54 e-mail: probel-2000@mail.ru

